

Своя

октябрь 2014

журнал
Никиты Михалкова

«СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

Почему рухнула Россия
в начале XX века?

Как уберечь ее сегодня?

В КИНОТЕАТРАХ СТРАНЫ
С 9 ОКТЯБРЯ

***Н**АШИ дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...*

И.А. Бунин, «Окаянные дни»

***В**СЕ было хорошо, во всем было безмерное счастье, великая радость; даже в этом зное и во всех базарных запахах, во всем этом незнакомом городишке и в этой старой уездной гостинице была она, эта радость, а вместе с тем сердце просто разрывалось на части. Он выпил несколько рюмок водки, закусывая малосольными огурцами с укропом и чувствуя, что он, не задумываясь, умер бы завтра, если бы можно было каким-нибудь чудом вернуть ее, провести с ней еще один, нынешний день, — провести только затем, только затем, чтобы высказать ей и чем-нибудь доказать, убедить, как он мучительно и восторженно любит ее...*

И.А. Бунин, «Солнечный удар»

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя Как все это случилось?	26–28	Великие реалисты Издаека долго
3–5	Национальная идея Революции закончены — забудьте! <i>Перечитываем «Манифест просвещенного консерватизма»</i>	29–31	Ретроспектива Дагер и его типы
6–9	Философ о философе Под знаком Софии <i>Творчество христианского философа Сергея Булгакова</i>	32–35	Наш Крым Плаха Российской империи <i>Истребление русского офицерства в 1920–1921 годах</i>
10–13	Символ веры «Закружились бесы разны...» <i>Как распространялась в начале XX века духовно-нравственная чума</i>	36–39	Другие берега Русский ковчег на родине Бонапарта
14–17	Родное слово Рецидивы окаянства <i>Дневники Ивана Бунина и «прелюдия» Гражданской войны</i>	40–41	Записки охотника Легавый указатель <i>Знакомьтесь: пойнттер</i>
18–19	Книжная палата	42–43	Люди и вещи Машины времени
20–21	История одной песни Не для меня...	44–47	Страна мастеров Бегущие по волнам <i>Колесные суда возвращаются</i>
22–25	Русские безъ России Звезда и крест Ивана Шмелева	48	Трапезная Стерляжья уха? Отнюдь не плоха!

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

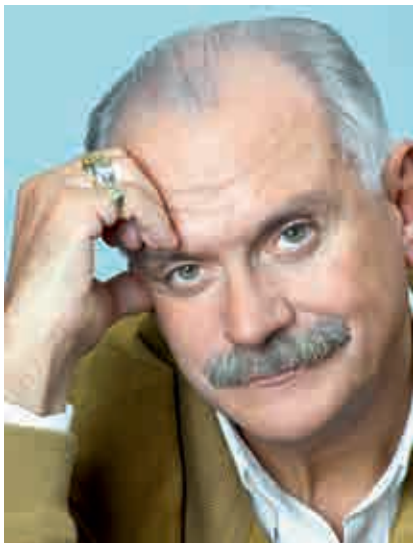
«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии Ab Scanweb Oy, www.scanweb.fi

Тираж 30 450

Подписано в печать 15 октября 2014 г.

Как все это случилось?

Дорогие друзья, октябрьский выпуск журнала «Свой» посвящен картине, к которой я двигался 37 лет. Замечательный киновед, ныне уже, к сожалению, ушедший из жизни Владимир Дмитриев, когда-то, посмотрев «Рабу любви», сказал: «Тебе надо снять «Солнечный удар» Бунина». И добавил: «Если снимешь хотя бы на 30 процентов так, как он написан, можешь считать себя режиссером».

В то время Бунин у нас практически не издавался, но я нашел этот рассказ — и он меня поразил. Каким образом на нескольких страницах можно передать невероятную историю, в которой, казалось бы, нет ничего и в то же время есть абсолютно все?..

На свой страх и риск я подал заявку, понимая, что осуществить это в ближайшем будущем не удастся. Заявка так и осталась на «Мосфильме», а я продолжал работать над другими лентами. Время шло, и с годами для меня становилось все яснее, что не только рассказ «Солнечный удар» должен быть положен в основу картины. В нашем сегодняшнем мире этого недостаточно. Мысль о «Солнечном ударе» не оставляла меня, но я не мог приступить к работе, пока не найдется нечто, ради чего стоит ее начинать. И это пришло, когда я прочитал «Окаянные дни». Они совершенно перевернули мое представление о Буине. И стихи, и проза бунинская — все было пронизано нежной грустью, созерцательностью, чувственностью. И вдруг — жесточайший документ, причем созданный не спустя какое-то время, а сиюсекундно, прямо со сковородки на тарелку, как говорится. То, как Бунин оценивал время, людей, в том числе — тех, кто потом стал для нас кумирами... Этот дневник, пронизанный и обидой, и желчью, и горечью, и неизбывной тоской, произвел на меня сильнейшее впечатление.

И тут меня осенило, что «Окаянные дни» и рассказ «Солнечный удар» — как воспоминание одного из героев, ожидающего изгнания в 1920 году, — можно соединить. В таком соединении — чрезвычайно важное послание современному обществу. Поиски ответа на вопрос: как все это случилось? Как случился 1905 год, как случилось убийство Столыпина, Февральская революция, Октябрьская, Гражданская война?.. И в конце концов, как случилось уничтожение страны в 1991-м?

Эта картина — одно из самых главных моих высказываний. Смею думать, она долгоиграющая, ее можно пересматривать, открывая все новые пласты взаимоотношений между людьми и обнаруживая все новые исторические параллели.

Конечно, гигантский риск — и браться за Бунина в принципе, и соединять противоположные вещи, и снимать в главных ролях неизвестных актеров, для которых это первая работа профессиональная в кино... Тем не менее, я очень надеюсь, что мой зритель не уехал и не скурвился, что он разглядит в картине не только то, что снято, но и то, что не снято, о чем надо думать сегодня, сейчас. Чтобы не пришлось в будущем снова задаваться роковым вопросом: как все это случилось?!

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author, written in a cursive style.

Революции закончены — забудьте!

Главная антитеза идеям просвещенного консерватизма звучит во всем известных (по крайней мере, среди людей старшего и среднего поколений) строках коммунистического гимна: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим. Кто был ничем, тот станет всем». Сегодня, оглядываясь на события почти вековой давности и последовавшие за ними процессы, можно смело подводить итоги реализации «программы», воспетой в «Интернационале». Разрушили мир насилия и социальной несправедливости — причем средствами все того же тотального, бесчеловечного насилия, ценой многих миллионов жизней? Вовсе нет. Чтобы это понять, достаточно окинуть беглым взором окружающую действительность. А если что-то и разрушили из «проклятого прошлого», так этим «что-то» стали многие старые добрые национальные традиции. «Ничто», конечно же, ВСЕМ не стало, да и не могло стать — сие противоречит и законам общественного бытия, и просто здравому смыслу. Поняв эти несложные истины, надо по пути нормального социального развития двигаться дальше, попутно возрождая, восстанавливая то, что за несколько десятков лет успели бездумно, опрометчиво, несправедливо уничтожить. Продолжаем публиковать фрагменты изданного Никитой Михалковым четыре года назад, но вовсе не потерявшего актуальность «Манифеста просвещенного консерватизма. ПРАВО и ПРАВДА».

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Национальная идея

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

Традиция

Личности, нации и государству в России необходимы стабильные условия существования, а стабильность — сестра традиции.

Человек с устойчивой психикой и здравым рассудком, как правило, консервативен. Он хочет жить и умирать так, как жили и умирали его отцы и деды.

Консерватизм стар, как стара человеческая природа. Как и она, он в конечном счете определяется традицией, то есть сохранением и передачей от поколения к поколению навыков и умений, знаний и верований, ценностей и идеалов.

Консервативную традицию от радикальной новации любого толка отличает то, что она не рационалистична, а мистична. Она опирается не на внешнюю систему логических правил и рассудочных представлений, а на внутренний духовный строй личности, психологию нации, обычаи, ритуалы и обряды племен и народов.

Традиция — это волна, текущее духовно-материальное единство бывших, настоящих и будущих поколений.

Российская культура с давних пор впитала в себя и творчески переработала многие этнические традиции. Поэтому она предполагает уважительное и бережное отношение ко всем верованиям, традициям и обычаям нашего многонационального народа. Однако — она не всеядна и не пассивна. В ней есть решимость и воля для того, чтобы дать отпор сектантству и агрессии, противостоять террору и оказать сопротивление злу силой.

Революция как принцип и способ решения политических, экономических, культурных и социальных проблем нами отвергается. Мы отрицаем ее не только в прямой форме — как кровавый бунт и тотальное насилие — но и в скрытом виде — как ползучее государственное разложение, хроническую общественную болезнь и духовное обнищание человека.

Пришло время сказать: революции закончены — забудьте!

История

Консервативное мышление не только традиционно, оно исторично.

Любовь к Отечеству воспитывается не патриотическими выкриками, а глубоким чувством и знанием родной истории. В том числе «близкой истории»: истории области, города, района, улицы, дома, в котором мы живем, в котором до нас жили предки, а после нас будут жить потомки.

Любовь к Отечеству требует от каждого из нас ежедневного ученичества, личного труда познания нашей Родины.

Просвещенный консерватизм — не слепое сохранение отжившего и смертного. Наша цель — борьба с распадом, органический рост, передача смысла через преемственность поколений.

История понимается нами как единство прошлого, настоящего и будущего времени.

Мы не враги прогресса, и мы не против развития человеческого общества «вперед и вверх». Просто при этом мы хотели бы отдавать себе отчет: где находится «верх» и что означает «вперед»?

Мы убеждены, что утверждение нового не должно превращаться в кровавый разрыв со старым. Старость надо уважать. Истребление древних святынь не должно оправдываться строительством новых храмов.

«Созидай, не разрушая!» — наш исторический девиз.

Народы и люди, забывшие свою историю, обречены на исчезновение. И не следует забывать, что мы осознаем себя русскими, а не немцами, французами или англичанами прежде всего благодаря нашему прошлому.

Псевдонаучные ссылки на всеобщие законы истории, «логику прогресса» и «чудеса рынка» представляются нам неубедительными. Мы служим Богу и Отечеству, а не идолам Теории и Истории, которым наши современники, лишённые веры, надежды и любви, вынуждены приносить кровавые жертвы.

Нашему историческому ощущению свойственно уважение к авторитету и силе государственной власти, стремление к общественному порядку и неприятие стихии русского бунта «бессмысленного и беспощадного». И при всей любви к простому русскому народу мы искренне благодарны все же не Емельяну Пугачеву, а подавившему его бунт Александру Васильевичу Суворову.

Преображенские полки Петра Великого, государственные реформы российских императоров, политические, экономические и правовые новации Сперанского и Столыпина близки нам не только сами по себе, но и оттого, что они либерально проводились «сверху» просвещенными государственными бюрократами и консервативно поддерживались «снизу» земскими деятелями и представителями общественности.

Конкретный историзм — важнейший элемент мышления и мировоззрения русского консерватора.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Юрий Кублановский,
поэт, публицист, член
Патриаршего совета по
культуре, член-корреспондент
Академии российской
словесности

В последние годы фраза «возвращение к традиционным ценностям» в речах наших политиков и общественных деятелей звучит весьма часто. Ничего плохого в этом, разумеется, нет. Разве только может смущать в этой формулировке слово «возвращение». Нам не дано повернуть историю вспять...

Речь тут, конечно, идет не о стилизации какого-то прежнего уклада на новом историческом витке, в XXI веке. Отнюдь нет. Мы говорим о том, что после всех жертв и испытаний прошлого столетия Россия должна подниматься не

на имморальных идеологических дрожжах технотронной цивилизации, а на традициях своей национальной культуры, психологии. Это, на мой взгляд, должно быть связано, во-первых, с возрождением приходской жизни, а во-вторых, с осмыслением государственными мужами специфики стоящих перед нами задач. Главная из которых — переход от затратной, потребительской, убийственной для экологии цивилизации к идеологии, предполагающей самоограничение и твердость в отстаивании собственных государственных принципов и интересов.

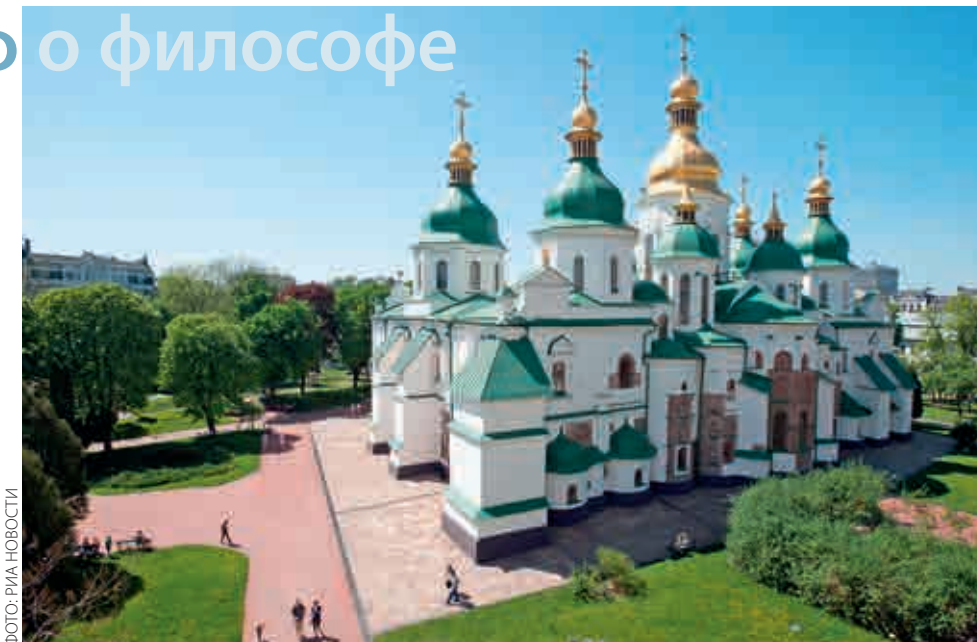

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Под знаком Софии

Сергей Громов

Минувшим летом и в России, и за рубежом проходило немало заметных мероприятий, посвященных 70-й годовщине со дня смерти русского философа Сергея Булгакова. Его имя в нашем культурно-интеллектуальном пространстве стоит очень высоко. Сам же факт пристального общественного внимания к дате указывает прежде всего на то, что непосредственное участие в чествовании философа принимала Русская православная церковь. Для нее, по святоотеческой традиции, уход наиболее достойных людей в «иной, лучший мир» — событие более значимое, нежели обстоятельства земного рождения. О творчестве Булгакова беседуем с кандидатом философских наук, заместителем декана факультета МГУ, постоянным ведущим «Философского клуба» на радио РСН Алексеем КОЗЫРЕВЫМ.

СВОЙ: Осмысливая «прошлое, настоящее и будущее», обществоведы используют чаще всего три основных дискурса. Высший и наиболее сложный — философский, здесь затрагиваются духовный аспект, телеология и тому подобные вещи. Рангом ниже — сфера идеологии, идеальной политики. Еще ниже — реальная политика, то, что важно «здесь и сейчас», актуально для общества. Можно ли в творчестве Сергея Булгакова эти дискурсы органично соединить, перебросить лесенку от его философии к тому, что способствовало выстраиванию понятной для всех идейно-политической модели?

Козырев: Булгаков был человеком модерна. При вполне профессиональных экономических знаниях, при том, что он окончил юридический факультет Московского университета, готовился стать экономистом, аналитиком, политэкономом (и, в конце концов, им стал, даже написал две значительные книги — «О рынках при капиталистическом производстве» и «Ка-

питализм и земледелие»; причем на вторую, как на серьезный анализ состояния дел в сельском хозяйстве, ссылался не кто иной, как Ленин), его все время тянуло куда-то «на сторону».

Он совмещал в себе множество ипостасей — мистика, философа, социолога, богослова (в конце жизненного пути). И в некотором смысле — писателя. Ибо в «Свете Невечернем» находим, наряду с экскурсами в учение об Абсолюте, проникновенные лирические зарисовки из «интимного дневника». В этом автор старался уподобиться своему другу, священнику Павлу Флоренскому, который, кстати говоря, тоже был человеком модерна, стремившимся сочетать самые разные сферы приложения своего таланта, собственного эго.

Политика в этот обширный круг интересов и специализаций тоже так или иначе входила. Булгаков в свое время прошел в Государственную думу 2-го созыва, заделался депутатом в качестве беспартийного христианского социалиста.

Звучит забавно — «беспартийный христианский социалист». То есть он все-таки занимал определенную идеологическую нишу, принадлежал к некой политической партии. Хотя та и была виртуальной — официально ее не существовало.

Из трех областей, которые Вы упомянули, принадлежность Булгакова к первой, философской, наиболее очевидна. Ко второй, идеологической — отчасти.

Реальная же политика была ему все-таки не близка. И в этом своем — думском — нисхождении философ потерпел неудачу. Позже описывал в «Автобиографических заметках», как «выворачивало» его от общения с коллегами-депутатами: «Эта уличная рвань, которая клички позорной не заслуживает. Возьмите с улицы первых попавшихся встречных, присоедините к ним горсть бессильных, но благомыслящих людей, внушите им, что они спасители России, к каждому

Отец Сергей (Булгаков)

Русский народ по Булгакову — заблудший апостол, который вместо чаяния Царства Божия устремился и в конце концов пришел к Третьему интернационалу, богоборчеству и цареубийству

слову их, немедленно становящемуся предметом общего достояния, прислушивается вся Россия, и вы получите 2-ю Государственную думу!» Вторая Дума, как известно, существовала недолго, менее четырех месяцев, затем была распущена. **СВОЙ: Негативный опыт тоже ценен...**

Козырев: Хождение Булгакова в реальную политику мало того, что закончилось фиаско, но еще и оставило в душе крайне неприятный осадок. Он вспоминал о думской работе, повторюсь, чуть ли не с омерзением. Хотя как парламентарий вел себя отнюдь не пассивно, девять раз выступал с речами, стараясь по максимуму обработать

свой депутатский хлеб. Но все-таки «настоящим политиком» — человеком, способным быстро меняться, подстраивать взгляды под зов текущего момента, обладающим шкурой хамелеона, он не стал. Да и его попытка попробовать себя в роли идеолога, была, мягко говоря, не вполне удачной. Союз христианской политики, который Булгаков пытался организовать, так и не был учрежден.

В 1906 году он издавал в Киеве газету «Народ». Та должна была стать органом Союза, но по странному и забавному стечению обстоятельств выходила лишь всю Страстную седмицу. Последний номер — со светской проповедью издателя о Воскресении Христовом — появился на Пасху. Затем деньги закончились, и газета прекратила существование.

Тем не менее опыт философа, не чурающегося всего того, что происходит на улице, в полисе, в социуме, необычайно важен. Поэтому о Булгакове можно смело говорить как о политическом философе. Не следует путать это понятие с профессией политолога, политаналитика, призванного давать какие-то рецепты, создавать шаблоны политического поведения.

Политический философ — тот, кто осмысливает реальность с точки зрения самых высоких представлений об онтологии, о структуре бытия, смысле и философии истории, об антропологии — цельного представления о человеке, человеческой природе.

Стандарты классической философии, выработанные веками, позволяют всесторонне оценивать то, что происходит в повседневности. Причем — глубже, фундаментальнее, нежели это делают практики или политологи.

Творчество и жизнь Булгакова (как, впрочем, очень многое в нашей истории) уместно разбить на два этапа — до 1917-го и после.

Второй период, связанный с миссией священника и богослова, преподавателя Свято-Сергиевского

института (в Париже), был, пожалуй, не так насыщен политической философией, как первый. Однако и без оной не обошлось. Достаточно тут вспомнить его, написанную в годы Второй мировой войны, работу «Расизм и христианство», где отец Сергей анализирует «Миф двадцатого века» нацистского идеолога Розенберга. И обращается (в контексте христианской философии истории, историософии) к очень сложным вопросам, поднятым войной, включая проблемы нации, нацизма, еврейства...

Это лишний раз доказывает, что Булгаков от своего креста политического философа никуда не ушел. Только та вершина, с которой Булгаков смотрел тогда на действительность, на реальные события, стала еще выше, еще действеннее для полноценного охвата.

СВОЙ: *На момент написания работы «Расизм и христианство» это был сильный ответ Розенбергу с его русофобией, юдофобией и прочим?*

Козырев: Тут уместно говорить не столько об ответе Розенбергу, сколько о совершенно ином пафосе. Библейская тема, которая здесь затрагивается, имеет мало общего с тем, что говорят и пишут, например, современные исследователи холокоста, идеологи толерантности и политкорректности. Для Булгакова особо важен мистический статус еврейского народа в истории, его избранность, а потом отвержение;

Софийский собор в Новгороде. София Премудрость Божия. XV век

отторжение Христа, нежелание признать Спасителя Мессией.

Русский же народ у Булгакова сравнивается... с Иудой. Еще в начале 1930-х отец Сергей написал очень сильный текст «Иуда Искариот — апостол-предатель». В этом очерке автор предлагает свою версию предательства Иуды. Суть ее примерно в следующем: представить себе, что эта измена произошла из-за денег, было бы слишком банально. Нет, говорит философ, у Иуды были свои взгляды, свои планы на особую судьбу Христа. При этом, изображая Иуду, Булгаков, можно сказать, срисовывал его с юношеского портрета себя самого: горожанин с пролетарской психологией, иудейский мессианист, почти марксист (держатель кассы апостольской общины), экономический материалист... Наделяет своего героя качествами этакого зелота Израильского царства, видевшего во Христе провозвестника и осуществителя своих политических чаяний, стремившегося Его подтолкнуть к тому, чтобы стать Царем Израилевым, освободить иудеев от римского господства.

Русский народ по Булгакову — это такой же заблудший апостол, который вместо чаяния Царства Божия устремился и в конце концов пришел к Третьему интернационалу, богоборчеству и цареубийству.

И, соответственно, вопрос: «Спасется ли русский народ?» для отца Сергея парадоксальным образом связывается с другим вопросом: «А спасется ли Иуда?» Может ли тот быть прощен? И в обоих случаях Булгаков отвечает: «Да».

СВОЙ: *С ходу, при первом знакомстве с подобными сравнениями и не поймешь, на что это больше похоже — на некую весьма оригинальную форму русофилии или на ее прямую противоположность...*

Козырев: Увидеть в Булгакове апологета русского национализма, конечно, сложно, однако и русофобом он, совершенно точно, никогда не являлся. Это был философ, который очень критически относился к нашему славянофильскому шапкозакидательству. При том, что сам был славянофилом и во многом сходился по воззрениям, к примеру, с Хомяковым, в известной мере повторял того синтетичностью увлечений, творческих опытов. Хомяков ведь тоже был универсал — и богослов, и поэт, и философ, и агроном, и гомеопат, а также изобретатель, архитектор и пр.

В чем ценность булгаковской мысли, касающейся русских людей? Прежде всего в том, что он призывает их к трезвению, избавлению от опасных иллюзий по отношению к самим себе. Предостерегает и наставляет: да, нам дана святыня, нам даровано большое богатство, но мы можем непомерно возгордиться и эти святые вещи опорочить, опозорить, окончательно потерять. А поэтому мы должны хорошо знать то, что храним и за что ответственны. Может быть, самый важный, самый славянофильский акт Булгакова — это

создание им Парижской богословской школы, девизом которой стали слова: «Живое предание». (Кстати, так назывался периодический альманах, который издавался в Париже с 1930 года.) Христианство должно существовать не как музейная реликвия, но как сила, преобразующая жизнь, воспитывающая, устрояющая, оказывающая воздействие и на экономику, и на предпринимательство, и на семью, и на быт, и на образование...

В этом смысле парижская школа как проект живой религии — того, что влияет на социальное бытие, чрезвычайно ценен в судьбе Булгакова. Безотносительно к тому, что эту школу иногда пытаются уличить в ереси, говорят, что софиология — это не что иное, как воскрешение гностицизма...

СВОЙ: *Коль скоро Вы употребили термин, непосредственно относящийся к Софии, божественной Премудрости, давайте уточним, что софиология и софистика — не одно и то же. Да и нужно ли вообще говорить о Софии как о некоем самостоятельном субъекте в нашем дуалистическом мире, который делают между собой добро и зло, Бог и дьявол? Попросту говоря, все хорошее, правильное и праведное — от Бога, все дурное, пагубное — от сатаны... Насколько необходимо привнесение сюда нового, дополнительного понятия?*

Козырев: София — понятие не новое. Оно библейское. Есть книги Премудрости. К ней мы обращаемся в псалмах. О ней говорят притчи Соломоновы, а точнее, сама Премудрость вещает в них от первого лица: Господь создал меня в начале путей своих, прежде века утвердил меня... Можно толковать эти слова аллегорически, но все же идея Софии как некоего мироустроющего начала существует в очень многих религиозных традициях.

Христианское вероучение канонически сливается с идеей Логоса. Логос и София объединяются в

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

образе Христа. Христианство также несет в себе некую гендерную религиозную двусмысленность. Христос — воплощенные Премудрость и Слово. Но есть еще и Богоматерь, которая выражает женское начало в христианской религии — милующее, милосердное, космологическое.

У Достоевского в «Бесах» Хромоножка говорит: «Богородица что есть, как мнишь?.. Мать сыра земля». Вот это измерение христианства, где мир приникает к Богу, где не просто Бог активно творит мир, но и последний «в небесах видит Бога» (по выражению Лермонтова), как раз и пытается выразить булгаковская софиология.

София — это наше единение с Богом, стремление мира к тому, чтобы обожиться, стать более совершенным.

Стремится ли сам мир к такому совершенству? С точки зрения среднестатистического обывателя, наверное, впору сказать: «Нет». Когда видим, к примеру, «боинги», падающие в результате то ли чудовищной провокации, то ли глупой нелепости, то ли фатальных ошибок, то ли воздействия каких-то злых демонов, определяющих мировую политику, нам хочется заявить: техногенная цивилизация ведет к апокалипсису. На что, кстати, постоянно намекает Голливуд,

РОТМИСТР:

— Наш народ? Народ-богоносец? А вы этот народ-то хоть раз в глаза видели? Небось, либеральные жены ваши сюсюкали в лазаретах над солдатами, а хоть одно лицо их запомнили? Умилялись, конфетки раздавали. Романы пели. Как это Достоевский, что ли, писал: «Лавровые венки на вшивые головы...»

(Сценарий фильма «Солнечный удар»)

все больше и больше снимающий фильмов о том, что, мол, конец неизбежен, а посему давайте строить элизиумы на новых планетах, куда мы, в конце концов, переберемся. Ну, не все, конечно, но, по крайней мере, дети и кролики обязательно туда переселятся. Таким странным образом западное массовое искусство, будучи на разных мировоззренческих полюсах с нашим философом-космистом Николаем Федоровым, как бы возрождает его мечту о покорении космоса и распространении земной жизни на другие планеты...

Окончание беседы в следующем номере

Символ веры

«Закружились бесы разны...»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Валерий Хмельницкий

О русской катастрофе 1917 года за последние десятилетия мы узнали если и не все, то очень многое. Этого вполне достаточно, чтобы, не рискуя быть обвиненными в субъективизме, недобросовестном подходе к историческим фактам и процессам, открыто высказываться о подрывных технологиях революционеров, их финансировании из-за рубежа, об участии в разрушительной работе иностранных правительств и спецслужб — германских, британских, американских. Знаем мы и о том, чем обернулся для страны тотальный революционный обвал — разрухой, чудовищными жертвами, уродливыми социальными экспериментами, торжеством хамов и «воинствующих безбожников»...

Но неужели кучка заговорщиков, пусть даже располагавшая огромными деньгами, сумела исключительно своими силами и средствами обвалить могучую державу, взбаламутить, взбесить многомиллионный народ? Отнюдь. К началу трагических, переломных событий Россия уже оказалась тяжело больной.

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

ГИБЕЛЬНАЯ хворь охватывала страну постепенно, в течение нескольких столетий. Вольнодумство, «свободные» нравы, разврат, теории атеизма и либерализма... В первую очередь ими заражались аристократия, дворянство, интеллигенция. Еще в XVIII–XIX веках элита привыкла ориентироваться на Европу, зарубежные взгляды и оценки становились образцами для подражания, воспринимались как «общепризнанные». А уж потом — с «головы» — гниль поползла и вниз, на простонародье. Показателен пример с помещиком Иваном Петровичем Костомаровым, отцом известного историка. Увлечшись французским «просвещением», он принялся учить своих крепостных: Бога нет, и загробной жизни нет. Преуспел настолько, что дворовые в 1828 году убили его и ограбили. Рассудили: если за гробом ничего нет, то зачем себя ограничивать? Впрочем, духовные устои крестьян в ту пору были прочнее, чем у образованной части общества. Убийц замучила совесть, они вышли на церковное крыльцо и покаялись перед миром.

Увы, Иван Петрович был не единственным энтузиастом «просвещения». А главное, в России утвердилась и развивалась западная система образования. За основу брались все те же европейские стандарты и теории — и наряду с гуманитарными, техническими

науками, интеллигенция получала всевозможные добавки. Проникалась комплексами «национальной неполноценности», привыкала считать зарубежное передовым, а свое, родное — отсталым. Необходимость кардинальных реформ по чужеземным образцам даже не обсуждалась, виделась прописной истиной.

Вовсе не случайно очагом либерального духа становилась профессорско-преподавательская среда. Она пополняла образование в германских, французских, британских университетах. А дальше — сеяла в душах молодежи семена импортных учений. Эти семена соединялись с обычным юным фрондерством и давали буйные всходы.

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

ПОДПОРУЧИК:

— А самое-то главное — кого винить? Этих нелюдей? Упырей этих? Откуда они взялись? Кто всю эту нечисть на свет Божий выпустил? Мы! Своими руками! Сами все сделали. А теперь: «Ах, quel dommage! (Какая жалость! — СВОЙ) Как же это все случилось? Как же мы не видели, как же мы не ведали! Как же не понимали?» Сами себе вред! И это страшно!

ЕГОРИЙ:

— Чарльз Дарвин, «Происхождение видов». Все это правда?.. Будто без Бога все, а просто обезьяна работала, работала, работала, работала и стала человеком...

ПОРУЧИК:

— Ну, есть такая теория... А ты-то откуда это знаешь?

ЕГОРИЙ:

— У нас учитель есть. Он к нам аж из самого Петербурга приехал. Чтобы нас учить...

Соблазны «свобод» кружили головы похлеще вина. Очернительство власти, законов, традиций становилось признаком хорошего тона. Внедрилось деление всех явлений на «прогрессивные» и «реакционные». Революционное, разрушительное относилось к прогрессивному. А все, что служило стабилизации государства, получалось реакционным.

Студенты, проникнувшись подобными идеями, становились учителями и несли их ученикам. В 1870-х кружки народников сунулись было открыто «будить народ». Но агитаторы ничего не добились, они были для русских людей чужеродными смутьянами. Без долгих разговоров их вязали и сдавали властям. Зато в сельскую земскую школу приезжал не политический агитатор, а «всего лишь» учитель, начитавшийся атеистических книг Ренана и восторгавшийся французской революцией. Он выглядел для ребят куда более авторитетным и знающим, чем родители или скромный деревенский священник. Такие же учителя приходили в рабочие вечерние школы...

Болезнь России углублялась. В крайне непростом для государства 1906-м была созвана Государственная дума, началась эпоха парламентаризма. Но первое, чего потребовали народные избранники, — это всеобщая политическая амнистия. По стране лилась кровь, террористы нагло убивали государственных служащих, мирных граждан, а депутаты с пеной у рта голосовали за освобождение тех преступников, которых удалось изловить.

Поветрие либерализма охватило и высшие эшелоны руководства. Министры и губернаторы заигрывали с общественностью, во всем шли на уступки, стыдясь прослыть реакционерами. Даже в церкви пастыри пытались согласовывать проповеди с «прогрессом». Синод и церковные иерархи внушали терпимость к явно антироссийским (и антихристианским) учениям.

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

ФОКУСНИК (ПОРУЧИКУ):

— Вся наша жизнь российская — это мишура и лужи, лужи и мишура.

Послушайте, с вашим умом и талантом нечего здесь делать. Не-че-го! Ваше место... Вы за границей когда-нибудь были?

Устои Православия расшатывались и слабели. Оцените сами: весной 1914 года из 16 выпускников Иркутской духовной семинарии лишь двое решили принять священнический сан, из 15 выпускников Красноярской семинарии — ни одного! Остальные предпочли работать учителями, чиновниками. Интеллигенция стала считать веру в лучшем случае красивой народной традицией. В худшем — относилась к пережиткам, тормозящим прогресс.

В наши времена принято восхищаться Серебряным веком русской культуры. Однако при этом забывается, что культура начала XX века была насквозь больной. Она погрязла в декадентстве, темных душевных надломах.

Ну а среди простонародья разрушение духовности проявлялось

разгулом эгоизма. Рабочие вроде бы считали себя патриотами, но не находили зазорным бастовать во время войны, требуя повысить зарплату. Хотя зарплата у них была самой высокой по сравнению с другими воюющими государствами, а день забастовки на одном лишь Металлическом заводе в Питере недодавал фронту 15 000 снарядов. Крестьяне числили себя законопослушными и православными людьми, однако рьяно обсуждали «аграрный вопрос». Приглядывались: как бы переделить чужую собственность?

Эти недуги разъедали фундамент империи и, по сути, предопределили ее падение. Антон Деникин впоследствии писал: «Когда вторяют на каждом шагу, что причиной развала... послужили большевики, я протестую... развалили другие, а большевики — лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках ее организма». По-своему он был прав. Обычная, отнюдь не большевистская интеллигенция в подавляющем большинстве бурно приветствовала Февральскую революцию, вполне одобряла аресты и убийства полицейских, офицеров, жандармов. Цепляла красные банты, выходила на демонстрации, запевала: «Вихри враждебные веют над нами...» Правда, в скором времени хлынули иные демонстрации, полезли на трибуны иные ораторы, и учителя с профессорами и предпринимателями вдруг с удивлением узнали: под «вихрями враждебными» и «темными силами» теперь подразумевают их самих.

Представляется нелишним обратиться к широкое известной повести Михаила Булгакова «Собачье сердце». Разве можно забыть (тем более после тысячекратного показа экранизации Владимира Бортко по ТВ) столь колоритные образы? С одной стороны — умные, талантливые и высококультурные профессор Преображенский, доктор Борменталь. С другой — туповатый наглец

Швондер, хам, троглодит Шариков. Однако на самом-то деле именно Преображенские, Борментали и прочая интеллигенция были в России главными носителями радикальных взглядов. Именно они вовсю ратовали за «свободу, равенство, братство». Кого же было винить в том, что «свободы» оказались привлекательными не только для них? Получили, по сути, то, к чему стремились. Только представляли себе это несколько иначе.

Шариковых также создали наши интеллектуалы. Разумеется, не из собак. В булгаковской аллегории выразилось, по-видимому, оскорбленное самолюбие автора. Шариковых делали из простых русских людей — тех, которые прежде были честными, добрыми, богобоязненными...

Напомним, первый заряд атеизма детишки получали еще в школах. Так Сергей Есенин в автобиографии хвастался, как он пристрастился прогуливать церковные службы, жульничать с деньгами, которые ему давала бабушка на освящение просфоры. Как видим, семья была верующей, бабушка набожной. Кто же сбил Сережу с пути истинного? Очевидно, учитель. Или товарищи, отвращенные от веры «просвещенными» наставниками.

Другие такие же мальчики и девочки, повзрослев, вступали в отряды типичных шариковых, брали винтовки, чтобы «все взять и поделить». Из особо рьяных безбожников формировались когорты палачей, развернувших кампании красного террора, массовые казни «буржуев» — то есть интеллигенции. В Евангелии сказано: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф, 18,6). Так оно и случилось...

В древние времена, описывая те или иные бедствия, русские летописцы не искали виновных где-то на стороне. Причину они форму-

лировали однозначно: «по грехам нашим». Для объяснений катастроф XX века подобное определение тоже оказывается наиболее точным. Россия фактически отреклась от государя. Даже среди белогвардейцев монархистов было очень мало. Ну что ж, не захотели законного царя — попали под власть узурпаторов. Вынуждены были терпеть такой гнет, какой и в самом страшном сне не снился.

Образованная часть российского общества брезгливо кривилась от отечественных порядков, мечтала жить «как за границей». Эта мечта в какой-то мере исполнилась. Два миллиона человек очутились в эмиграции, получили заграничный «рай» со всеми «свободами» и «прогрессом». Правда, до революции русские интеллигенты и предприниматели видели Европу из окон комфортабельных отелей, пансионатов, через призму книг и газет. А теперь им пришлось зарабатывать на хлеб грузчиками, судомойками, чернорабочими, даже проститутками... Но ведь темная сторона западной жизни существовала и раньше! Значит, мечтали как раз обо всем этом, только себе предназначали иную роль.

Крестьяне с энтузиазмом громили помещичьи и «кулацкие» хозяй-

ства, захватывали чужую землю, имущество. А в итоге сами подверглись раскулачиванию и коллективизации. Палачи, расплескавшие по России дикий террор, через пару десятилетий попали под репрессии. «Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф, 7,2).

В 1922–1923 годах большевики нанесли сокрушительный удар по Православной церкви. Закрывали и грабили храмы, монастыри. Казнили священников, монахов, мрян. Многие тысячи людей разослали по тюрьмам. Но миллионы предпочли смолчать. Не пытались защищать свои храмы и батюшек. А в июне 1941 года в армии оказались солдаты 1922–1923 годов рождения, ровесники разгрома Церкви. Именно это поколение — трагическое, героическое, жившее собственными идеалами, представлениями о правде и справедливости — попало под первый, наиболее сокрушительный удар врага и было стерто почти полностью.

Увы, все закономерно. Отвечать пришлось и преображенским — за то, что произвели шариковых, и шариковым (а главное и самое страшное — их детям) — за все, что они натворили.

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЧЕННЫЙ УДАР»

Родное слово

Рецидивы окаянства

Игорь Сергеев

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

В пантеоне литературных богов нашей интеллигенции Иван Бунин прочно обосновался с 1950-х — момента снятия табу на печатание его произведений. Отменный стилист, непревзойденный лирик, великолепный мастер слова многие десятилетия практически никем не воспринимался в качестве выдающегося публициста, автора важных текстов, «несущих идейно-политическую нагрузку». Когда же наконец опубликовали его первые послереволюционные дневники, их обличительный пафос — парадокс! — либеральные пропагандисты норовили использовать не против разрушителей страны, а против самого государства, Советской империи, имевшей с ранним большевизмом мало общего. А между тем именно сегодня «политические» записки Бунина актуальны как никогда...

В МИРЕ мало вещей (если они есть), о природе, предположительном генезисе которых философы, политики, политологи, обществоведы спорят так же часто и страстно, как о закономерностях революций. Марксисты со своей диалектикой, помноженной на лозунговую безапелляционность, заявляют одно. Многочисленные конспирологи — совершенно иное, как правило, прямо противоположное. Социологи, веками изучавшие толпу, «живой организм» масс, добавляют в дискуссию собственные доводы и контраргументы. И все равно целостной картины пресловутой «революционной ситуации» в умах подавляющего большинства людей как-то не складывается. Проблема в том, что рационалистические теории в подобных вопросах не вполне состоятельны. Иррациональная, а вернее, инфернальная стихия во времена смут, государственных потрясений влияет на жизнь масс куда больше, чем «непреложные» политэкономические законы («верхи не могут, низы не хотят» и т.д. и т.п.).

«Москва, 1918 год. 1 января (ст. стиля).

Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже наверное так.

А кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы, — кого ни встретишь на улице, просто сияние от лица исходит:

— Да полно вам, батенька! Через две-три недели самому же совестно будет...

Бодро с веселой нежностью (от сожаления ко мне, глупому) тиснет руку и бежит дальше».

Так начинается книга Ивана Бунина «Окаянные дни». В принципе, даже этих нескольких строк было бы, наверное, достаточно, чтобы выразить всю гамму бунинских чувств, эмоций, суждений относительно «глобально-исторического» 1917 года. Неудивительно, что советская публика (за очень-очень редкими исключениями) этих мемуаров не знала. Любители классики упоенно зачитывались «Темными аллеями», эстетствующие декаденты к месту и не к месту декламировали: «Что ж! Камин затоплю, буду пить... Хорошо бы собаку купить», а все вместе охотно признавали, что «Жизнь Арсеньева» — это именно то произведение, за которое в пору присудить любую международную премию, включая, разумеется, Нобелевскую.

Дай им в те, сравнительно безмятежные, годы в руки «Окаянные дни», они, пожалуй, дружно восприняли бы их как вздорное брюзжание типичного старорежимного аристократа, этакое слабое эхо отжившего мира, который никогда и ни при каких условиях не вернется. И действительно, тот мир, который Бунин отнюдь не идеализировал, в коем, однако, находил некоторые черты гармонии, порядка и справедливости, не вернулся.

На смену «развитому социализму» в результате социальных потрясений 1980-х–1990-х пришел

диком-недоразвитым капитализмом, условному гражданскому и имущественному равенству — чудовищная пропасть между новообразованными, скороспелыми кастами. И что? Оглядываясь на революционную (в широком смысле) ситуацию конца XX века, можно ли сказать, что предостережения Ивана Алексеевича перестали на тот момент быть верными, злободневными?

Как не вспомнить веселую эйфорию столичной интеллигенции в «проклятом» 1991-м и в предшествующие годы. Ее (если б только ее!) «внезапные» нужды и бедствия в «лихие девяностые», последующее «лечение голоданием» и постепенное возвращение к более-менее здравому восприятию действительности...

И право же, при всем при том нам есть за что благодарить Провидение: Россия не скатилась в крошечный ад братоубийственной бойни. Который закономерно предчувствовал в самом начале 1918-го Иван Бунин.

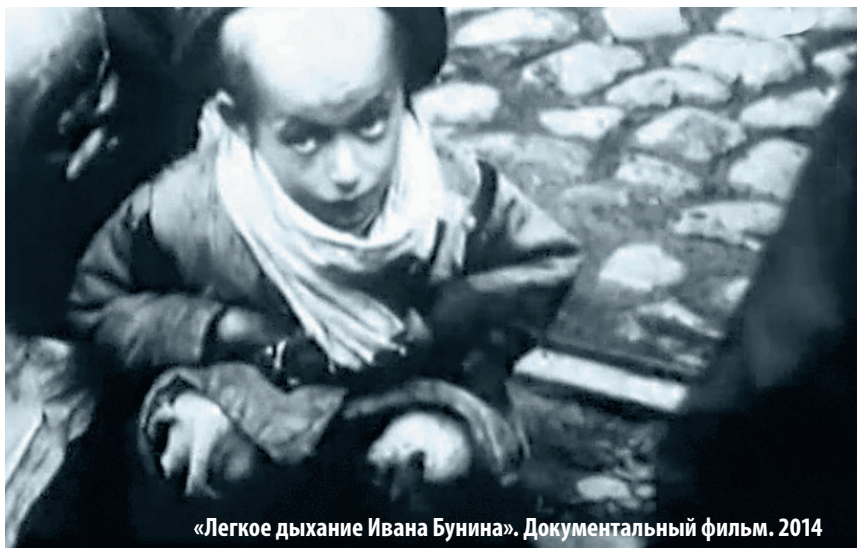
В который совсем недавно ухнула задорно прыгавшая на своем майдане соседка и близкая родственница Украина. Ведь, казалось бы, ничто не предвещало беды. Ну, кричали: «Москаляку — на гялку!» — эка невидаль. Разве могли они знать прошлой зимой, во что выльются через считанные месяцы их ужимки и прыжки...

«8 февраля.

Андрей (слуга брата Юлия) все больше шалает, даже страшно.

Служит чуть не двадцать лет и всегда был неизменно прост, мил, разумен, вежлив, сердечен к нам. Теперь точно с ума спятил. Служит еще аккуратно, но, видно, уже через силу, не может глядеть на нас, уклоняется от разговоров с нами, весь внутренне дрожит от злости, когда же не выдерживает молчанья, отрывисто несет какую-то загадочную чепуху.

Нынче утром, когда мы были у Юлия, Н. Н. говорил, как всегда, о том, что все пропало, что Россия летит в пропасть. У Андрея,

«Легкое дыхание Ивана Бунина». Документальный фильм. 2014

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

ПОЛКОВНИК

— Господа, ну вы-то можете трезво на все это посмотреть? Хватит крови, хватит воевать. Идея-то у них христианская... все равны... труд, созидание... Они же хотят что-то строить... Я, например, как инженер, готов...

РОТМИСТР

— А виселицы вы готовы строить?

ПОЛКОВНИК

— Опять вы за свое!

РОТМИСТР

— Удивительно! Труд, созидание?! Это вы про кого?.. Ничего они строить не собираются, кроме виселиц.

ставившего на стол чайный прибор, вдруг запрыгали руки, лицо залилось огнем:

— Да, да, летит, летит! А кто виноват, кто? Буржуазия! И вот увидите, как ее будут резать, увидите! Вспомните тогда вашего генерала Алексеева!

Юлий спросил:

— Да Вы, Андрей, хоть раз объясните толком, почему вы больше всего ненавидите именно его?

Андрей, не глядя на нас, прошептал:

— Мне нечего объяснять... Вы сами должны понять...

— Но ведь неделю тому назад вы горой стояли за него. Что же случилось?

— Что случилось? А вот погодите, поймете...

Приехал Д. — бежал из Симферополя. Там, говорит, «неописуемый ужас», солдаты и рабочие «ходят прямо по колено в крови». Какого-то старика полковника живьем зажарили в паровой топке», — читаем в «Окаянных днях» далее.

И невольно сравниваем с рецидивами форменного сумасшествия, которое в годы «исторических перемен», словно пандемия, охватывает не каких-то отдельных «андреев», допрежь «разумных, вежливых и сердечных», а целые страты, социальные слои и прослойки, обширные культурно-национальные общности. Роль жупела, смертельного врага вместо «проклятой буржуазии и генерала Алексеева» в разных и по-разному близких нам странах только лишь в последние годы играли каддафисты и их злосчастный предводитель, алавиты и Башар Асад, «донецкие» и Янукович. Впрочем, за последними в предельно нездоровом массовом сознании майданных оппозиционеров неизменно маячили виновные во всех бедах украинского народа клятые москали и Путин.

Итоги произошедших в XXI веке революций везде примерно одинаковы: реки пролитой крови, разрушенные города и веси, повсеместное горе и невыразимые страдания миллионов людей, каждодневные преступления против человечности и, конечно же, глубочайшие экономические кризисы. Есть ли этому гибельному, «загадочному», часто «непредсказуемому» феномену строго научное объяснение? Едва ли. А если и есть, то хранители тайны вовсе не торопятся раскрыть ее для остального мира.

«9 февраля.

Вчера были у Б. Собралось порядочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое.

Утром ездил в город.

На Страстной толпа.

Подошел, послушал. Дама с муфтой на руке, баба со вздернутым носом. Дама говорит поспешно, от волнения краснеет, путается.

— Это для меня вовсе не камень, — поспешно говорит дама, — этот монастырь для меня священный храм, а вы стараетесь доказать...

— Мне нечего стараться, — перебивает баба нагло, — для тебя он освящен, а для нас камень и камень! Знаем! Видали во Владимире! Взял маляр доску, намазал на ней, вот тебе и Бог. Ну, и молись ему сама.

— После этого я с вами и говорить не желаю.

— И не говори!

Желтозубый старик с седой щетиной на щеках спорит с рабочим:

— У вас, конечно, ничего теперь не осталось, ни Бога, ни совести, — говорит старик.

— Да, не осталось.

— Вы вон пятого мирных людей расстреливали.

— Ишь ты! А как вы триста лет расстреливали?

На Тверской бледный старик генерал в серебряных очках и в черной папахе что-то продает, стоит робко, скромно, как нищий...

Как потрясающе быстро все сдались, пали духом!

Слухи о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас. Кстати, — почему именно «легион»? Какое обилие новых и все высокопарных слов! Во всем игра, балаган, «высокий» стиль, напыщенная ложь... Жены всех этих с.с., засевших в Кремле, разговаривают теперь по разным прямым проводам совершенно как по своим домашним телефонам...»

«10 февраля.

«...Еще не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно...» Это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша «пристрастность» будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна «страсть» только «революционного народа»? А мы-то что ж, не люди, что ли?...»

Бунин, когда писал процитированные выше строки, был, как

видим, бесконечно далек от того, чтобы рядиться в тогу философа-мыслителя, ученого-гуманиста, стоящего над схваткой, без гнева и пристрастия осмысляющего «объективные и субъективные причины русской революции». Как ни парадоксально на первый взгляд, в этом и состоит его особая работа.

И с точки зрения общечеловеческой морали: нет резона в том, чтобы искать рациональные мотивы, оправдания для тотальной бесовщины, всеобщего расчеловечения, изуверства, массовых убийств. Гораздо правильнее и полезнее предотвратить повторение всего этого в будущем.

И с точки зрения законов исторического развития (той же диалектики): Россия ценой невиданных жертв построила у себя «бесклассовое общество»... С тем, чтобы уже через несколько десятков лет в ней образовались такие классы, которые никаким марксизмом-энгелизмом и в дурном сне бы не приснились. И с точки зрения этноконфессиональных, культурно-исторических особенностей. К примеру, нынешним «свидомым украм» сильно не нравится, когда их революцию-2013–2014 сравнивают с недавними схожими процессами в Ливии и Сирии. Хотя при внешних различиях

идеологических химер, которыми подпитывались революционеры и ведомые теми толпы, плоды их коллективных усилий, по сути, тождественны. И с многих-многих других точек...

Здесь приведены отрывки из самого начала «Окаянных дней», что можно расценивать, пожалуй, как призыв к прочтению целиком удивительно актуальной в наши дни книги. Очевидно, что не все мысли Бунина, отраженные в дневниковых записях, покажутся ныне абсолютно взвешенными, бесспорными. Классик, похоже, к этому и не стремился. Он явно хотел принести пользу не только историкам, но всем нам, своим будущим соотечественникам. Прежде всего тем, кто не видел воочию, не испытал на себе ужасов революций и гражданских войн. Тем, кто до сих пор продолжает жить наивными — врожденными либо внушенными — иллюзиями на сей предмет: «Это где-то там, далеко. Мы не такие. С нами номер не пройдет...».

«Где-то там, далеко» было еще каких-нибудь полгода назад, не правда ли? А сейчас? То-то и оно.

И, конечно, нелишне иметь в виду: русская классика описывает дьявольские вакханалии (тире социальные катаклизмы) гораздо лучше любых «прогрессивных» теорий.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Гражданская война на Донбассе. 2014

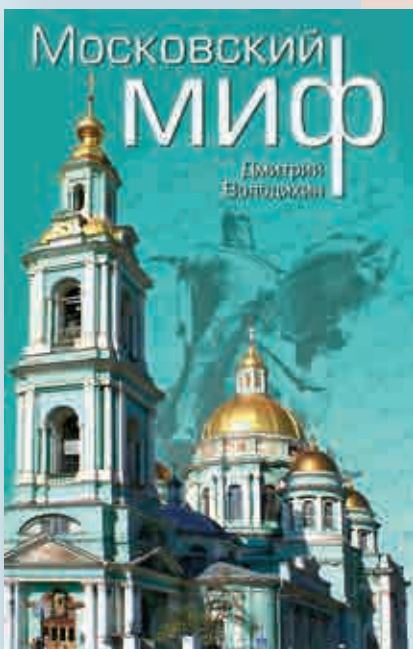
**Зодчий.
Жизнь
Николая Гумилева**
Валерий Шубинский
М.: Corpus, 2014. — 736 с.

Новая биографическая книга о Николае Гумилеве примечательна прежде всего сквозящей через все повествование, вольной или невольной, рефлексией ее автора, известного поэта и литературного критика Валерия Шубинского. Это делает рассказ о судьбе одного из кумиров Серебряного века намного живее, интереснее, нежели стандартные жизнеописания, сработанные «профессиональными биографами». Кто лучше поймет и оценит поэта, чем другой поэт?

Подробные обстоятельства трагического финала жизни Гумилева до сих пор доподлинно неизвестны — был ли он убежденным монархистом, храбрым, презирающим смерть заговорщиком или всего лишь носил привычную для него маску некоего вымышленного героя...

Автор книги склоняется к версии о том, что замечательный поэт-лирик вовсе не склонен был к участию в чрезвычайно опасных (хоть для врагов, хоть для друзей и себя лично) заговорах, а просто-напросто играл на публике однажды избранную роль. Никакой угрозы он для большевиков не представлял. Тем несправедливее и бесчеловечнее выглядит расправа над ним — расстрел в конце лета 1921 года.

В издании также представлены стихотворные отклики на смерть Николая Гумилева, написанные Анной Ахматовой, Владимиром Набоковым, Максимилианом Волошиным и другими русскими поэтами.

Книжная палата

Московский миф
Дмитрий Володихин
М.: Вече, 2014. — 352 с.

Всякий древний город с великой историей обладает собственными легендами, мифами, подчеркивающими его особенность, освящающими так или иначе его уникальный (иногда сакральный) статус. Ромул и Рем, «как известно», были детьми бога Марса, и их вскормила волчица... Первый епископ Парижа Дени, будущи обезглавлен на холме Монмартр, донес свою отрубленную голову до старого кладбища, и с тех пор там находится усыпальница французских королей... Можно ли рассказать что-то похожее о древней Москве и ее основателях? И почему этот великий город некогда взял на себя миссию Третьего Рима?

Об этом — новая книга историка Дмитрия Володихина. Она практически не содержит наивных легенд, подобных вышеупомянутым, зато довольно четко и подробно освещает страницы летописей, свидетельствующих о принятии Москвой ее священных регалий и полномочий, и обстоятельства, при которых они были обретены. Эти поворотные вехи имеют мало общего с языческими и раннехристианскими сказками. Большой Московский Миф основан на реальных событиях русской православной жизни, на подвигах и славе наших предков, на традициях, присущих крупнейшей евразийской столице.

Игумен псковского Елизаровского монастыря Филофей в начале XVI века писал: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». Подтвердилось ли пророчество? Ответить на этот вопрос пытается автор книги.

**Хроники 500-го
военного городка
(История московского
особняка)**

**Владимир Галайко,
Анна Галайко
М.: Астрейя-центр, 2013. — 309 с. с ил.**

История сравнительно небольшого двухэтажного дома, расположенного в Большом Знаменском переулке столицы и значащегося под номером 8/12, поражает. И прежде всего, увы, тем, что эту самую историю до недавнего времени хорошо знали считанные единицы (максимум — десятки) москвичей. Включая, само собой, авторов данного издания — Владимира и Анну Галайко.

А между тем уютный, не самый приметный ныне особняк несчетное число раз принимал когда-то Пушкина. И вообще, в годы жизни великого поэта считался в кругах московской богемы «первым домом». Здесь устраивались балы и другие «культурно-развлекательные мероприятия» для столичного дворянства. Здесь в разные годы располагались знаменитая библиотека Авраама Норова, которой пользовался тот же Пушкин, и большая коллекция картин импрессионистов, принадлежавшая Сергею Щукину. Для этой «постоянной выставки» Анри Матисс некогда написал свои лучшие работы «Танец» и «Мелодия».

Кстати, первым широко известным владельцем здания стал в XVIII веке генерал-аншеф Алексей Шаховской. Ему оно было пожаловано за особые заслуги перед Отечеством: Алексей Иванович после смерти Петра I и возникших в связи с этим «центробежных тенденций» в Государстве Российском сумел удержать в его границах Малороссию, выстроив верные отношения с правившей казачьей старшиной.

Не менее примечательны и страницы истории особняка, относящиеся к советскому периоду.

Россия. Крым. История

**Николай Стариков,
Дмитрий Беляев
СПб.: Питер, 2014. — 256 с.**

В последние месяцы о Крыме написано и сказано столько, что весь этот колоссальный объем тематической, крайне полезной и актуальной информации явно не мешало собрать, как минимум, в одной новой книге. Оптимально — во множестве книг.

Одними из первых в этом плане поработали известный публицист, политолог Николай Стариков и его соавтор по изданию писатель Дмитрий Беляев. Их книга хороша простотой изложения, удачным подбором фактов, полезностью в качестве учебно-просветительского (если угодно, популярно-пропагандистского) пособия, в особенности — для подрастающего поколения. «Политические» нотки в рассказе о славной истории русского Крыма, несомненно, присутствуют, но они отнюдь не заглушают главного — честного повествования, дающего адекватное представление о том, почему Российская Федерация обладает всей полнотой прав на замечательный причерноморский полуостров.

Авторы составили сборник в обратной хронологической последовательности. Сначала рассказывается о возвращении Крыма в состав России, затем — о двух с лишним десятилетиях нахождения этих земель под флагом постсоветской Украины. Дальше описываются обстоятельства самого скверного акта хрущевского волюнтаризма (1954). Затем — Великая Отечественная война, крымские ужасы Гражданской, героические и трагические годы Крымской войны (1853–1856). Заключительная глава закономерно посвящена первому присоединению Тавриды, непосредственно связанному с именами императрицы Екатерины, князя Потемкина, полководца Суворова и других выдающихся людей той эпохи.

История одной песни

СЕРГЕЙ ГАВРИЛЯЧЕНКО «КАЗАНЬ И ПРОВОДЫ»

Не для меня...

Валерий Пицугин

У некоторых песен очень любопытные, неординарные «биографии». Произведения приобретают куда большую известность, чем их авторы, отрываются от событий, которым были изначально посвящены.

В XIX веке России пришлось вести долгие и нелегкие Кавказские войны. В них участвовали и морские силы: высаживали десанты на побережье Кавказа, пресекали подвоз к горцам контрабандного оружия, пересылаемого турками и англичанами. Весной 1838-го в плавание к берегам Абхазии отчаливала эскадра во главе с флагманским кораблем Черноморского флота «Силистрия». Один из участников экспедиции пребывал в тревожном настроении. Возможно, его мучили нехорошие предчувствия. А может, ему просто хотелось порисоваться перед любимой девушкой. Он написал стихотворение, в котором есть такие строки:

*Не для меня придет весна,
Не для меня Буг разольется,
И сердце радостно забьется
В порыве чувств не для меня!
Не для меня взойдет заря,
Где Маша встретит в поле лето.*

*Мне не слышать ее привета,
Она вздохнет не для меня!..
Не для меня придет весна,
Я поплыву к берегам абхазским,
Сражусь с народом закавказским,
Давно там пуля ждет меня...*

О дальнейшей судьбе автора ничего не известно. Мы не знаем даже его полного имени. Стихотворение было впервые опубликовано в весеннем номере журнала «Библиотека для чтения» за 1839 год, под ним стояла подпись: «На корабле «Силистрия». 1838 г. А. Молчанов». Наверное, оно так бы и осталось малоизвестным, затерялось и забылось. Но в начале 1840-х на него обратил внимание выдающийся пианист и композитор Николай Петрович Девитте («Очи черные», «Не слышно шума городского»). Тот положил на музыку стихи Молчанова. Родился романс. Мелодия трогала душу, завораживала и при этом была очень простой и запоминающейся. По сей день она сохранилась почти неизменной. Хотя текст не раз подвергался довольно серьезным переделкам.

Песня стала жить собственной жизнью, распространялась как «народная». Она оказалась классическим «офицерским романсом». Ее наигрывали и напевали на полковых балах и лихих товарищеских пирушках, у походных костров, в землянках и блиндажах. Романс проник и на светские вечера, в столичные и провинциальные музыкальные салоны.

Где-то на рубеже XIX–XX веков он был опубликован за новой подписью — «Слова и музыка А. Гадалина». Но на вопросы, кто такой Гадалин и существовал ли он вообще, ответов по сей день нет.

Особенную популярность романс завоевал в казачьей среде. Вероятно, казаки услышали его от армейских офицеров, переняли, подхватили. При этом слегка подправили, сделали казачьим. Словно тот родился в какой-нибудь станице, среди чубатых молодцов. Река Буг из романса исчезла, сменилась Доном. Выпало имя девушки Маши. Вместо плавания «к брегам абхазским» тоскующего героя переносили в обстановку то одной, то другой войны — кавказской, турецкой, японской, Первой мировой.

В годы Гражданской песня приобрела новый смысл. Печаль, ощущение обреченности — чувства, которые охватывали казаков в то страшное время. По Дону, Терек, Уралу, Оренбуржью, Астраханскому краю покатился кошмар казачьего геноцида. Казаки не хотели идти на убой бессловесной, покорной скотиной, брались за оружие. Дрались насмерть. Понимали, что живыми в плен лучше не сдаваться.

В подобных условиях песня «Не для меня» была особенно близкой и понятной. Казаки запевали не о каких-либо абстрактных героях, а о самих себе:

*...А для меня кусок свинца,
Он в тело белое вопьется
И кровь горячая польется...*

Или, в других вариантах текста: «И слезы горькие прольются». Разночтение далеко не единственное. Ведь песня по-прежнему распространялась из уст в уста. Слова корректировались, дополнялись, подстраивались к тем условиям, которые соответствовали обстановке и родным местам. Один из известных вариантов звучал так:

*...Но для меня придет борьба,
Умчусь я в степи Приамурья,
Сражусь там с бандой
большевистской,
Там пуля ждет давно меня...*

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

В таком контексте романс перекочевал за границу, в среду русской эмиграции. Его исполняли и слушали как песню Гражданской войны.

В России возник еще один букет редакций и версий — тюремный. С большой долей вероятности можно предположить, что казаки и бывшие офицеры принесли романс в лагерь. Блатным и прочим энкам он тоже пришелся по душе, настрой оказался очень близким: ностальгия по воле, безысходность, ожидающая пуля во время побега...

Песня продолжала жить и в Красной Армии — в облике «военного романса». Особенно приглянулась она там, где советским войскам приходилось туго, где они несли серьезные потери, — на Халхин-Голе, финской войне, на фронтах Великой Отечественной. Правда, романс звучал только в узком кругу, а на большую сцену в советские годы так и не вышел. Остался «народным».

*Не для меня придет весна,
Не для меня Дон разольется
И сердце девичье забьется
С восторгом чувств не для меня.*

*Не для меня цветут сады,
В долине роща расцветает,
Там соловей весну встречает,
Он будет петь не для меня.*

*Не для меня куют коня,
И ветер гривой играет
Он бьет копытом и не знает —
Его куют не для меня.*

*Не для меня придет Пасха,
За стол родня вся соберется
«Христос Воскрес»
из уст польется,
С пасхальни день не для меня.*

*А для меня кусок свинца,
Он в тело белое вопьется
И слезы горькие польются,
Такая жизнь, брат, ждет меня.*

Иван и Ольга Шмелевы
с сыном Сережей. Начало XX века

Звезда и крест Ивана Шмелева

Елена Чавчавадзе

В самом начале XXI века Российский фонд культуры успешно реализовал проект под названием «Возвращение И.С. Шмелева». Из Франции в нашу страну был перевезен архив великого русского писателя, а его прах, доставленный с чужбины, перезахоронили на территории московского Донского монастыря, рядом с могилами родных Ивана Сергеевича.

ЭТО БЫЛО совершенно особое дело для меня. И речь тут идет не только и даже не столько о сбережении или возвращении наших культурно-исторических реликвий (что, конечно же, в высшей степени важно), сколько о вещах провиденческих, ПРОМЫСЛИТЕЛЬНЫХ.

Еще в конце позапрошлого столетия молодому Шмелеву подвижник, иеромонах Варнава Гефсиманский предрек: «Превознесешь своим талантом». При этом имелся в виду дар выдающегося писателя. В полной мере это обещание исполнилось лишь век спустя. В дореволюционной России литератор Иван Шмелев был довольно известен, входил в писательские содружества, включавшие в себя самых именитых его коллег, и даже выпустил собрание сочинений. И все же до общенародного признания, до «превознесения», по выражению иеромонаха Варнавы, ему было, пожалуй, далеко. Свои сильнейшие произведения Иван Сергеевич написал вдали от Родины, неизменно тоскуя по ней, но, несмотря на все душевные и физические невзгоды, чувство отверженности,

тягостные мысли и мучительные переживания, веря в возрождение России. И даже в своем завещании просил похоронить его останки, «когда это будет возможно», в Москве, рядом с могилой отца...

Совсем недавно издательский совет Русской православной церкви объявил по благословению Святейшего патриарха Московского и всея Руси Кирилла Международный юношеский литературный конкурс имени Ивана Шмелева «Лето Господне». Это ли не признание его великих заслуг перед Россией?

Наконец-то сбываются пророчества, связанные с судьбой прекрасного русского писателя. Он уже, несомненно, «превознесен своим талантом», почитаем ныне миллионами соотечественников. А ведь еще три десятка лет назад оценить по достоинству его творчество имели у нас возможность лишь те, кто получал доступ к спецхранам или какому-нибудь самиздату. Пожалуй, не было в СССР писателя более запретного и «запрятанного» от массового читателя, нежели Иван Шмелев. Что служило причиной этому?

Ответ на вопрос дают не только его великолепные книги, рассказывающие о красоте русского православного быта, а также — дикой несправедливости всего, что произошло в стране сразу после Октябрьского переворота, но и личная судьба Ивана Сергеевича. Поколения советских людей были приучены воспринимать национальную трагедию революции и Гражданской войны как «оптимистическую». Шмелев же показывает, что какой бы то ни было «оптимизм» в тех страшных процессах можно разглядеть разве только через призму нездорового воображения.

Вынужденно покинув Родину, он написал в 1923 году эпопею

«Солнце мертвых». В ней вольно и невольно сравнивал два мира — тот, который приютил его и все равно был чужим, откровенно чуждым, и тот, который

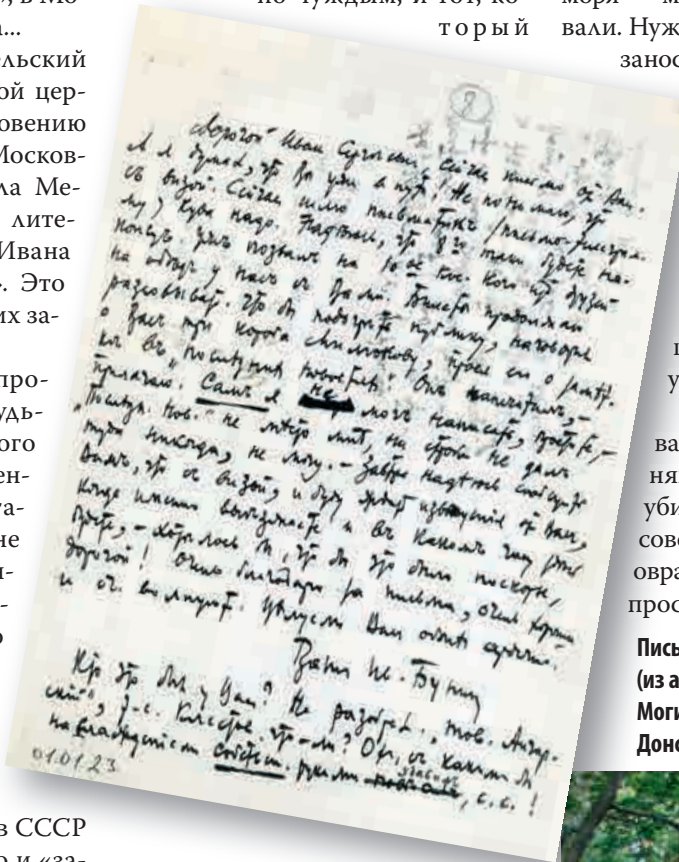
Лили дожди... И в этих дождях приехали туда, в городок, эти, что убивать ходят...

Везде: за горами, под горами, у моря — много было работы. Уставали. Нужно было устроить бойни, заносить цифры для баланса, подводить итоги.

Нужно было шикнуть, доказать ретивость пославшим, показать, как «железная метла» метет чисто, работает без отказа. Убить надо было очень много. Больше ста двадцати тысяч. И убить на бойнях.

Не знаю, сколько убивают на чикагских бойнях. Тут дело было проще: убивали и зарывали. А то и совсем просто: заваливали овраги. А то и совсем просто: выкидывали в море.

**Письмо И. Бунина
(из архива И. Шмелева)
Могила Шмелевых на кладбище
Донского монастыря**

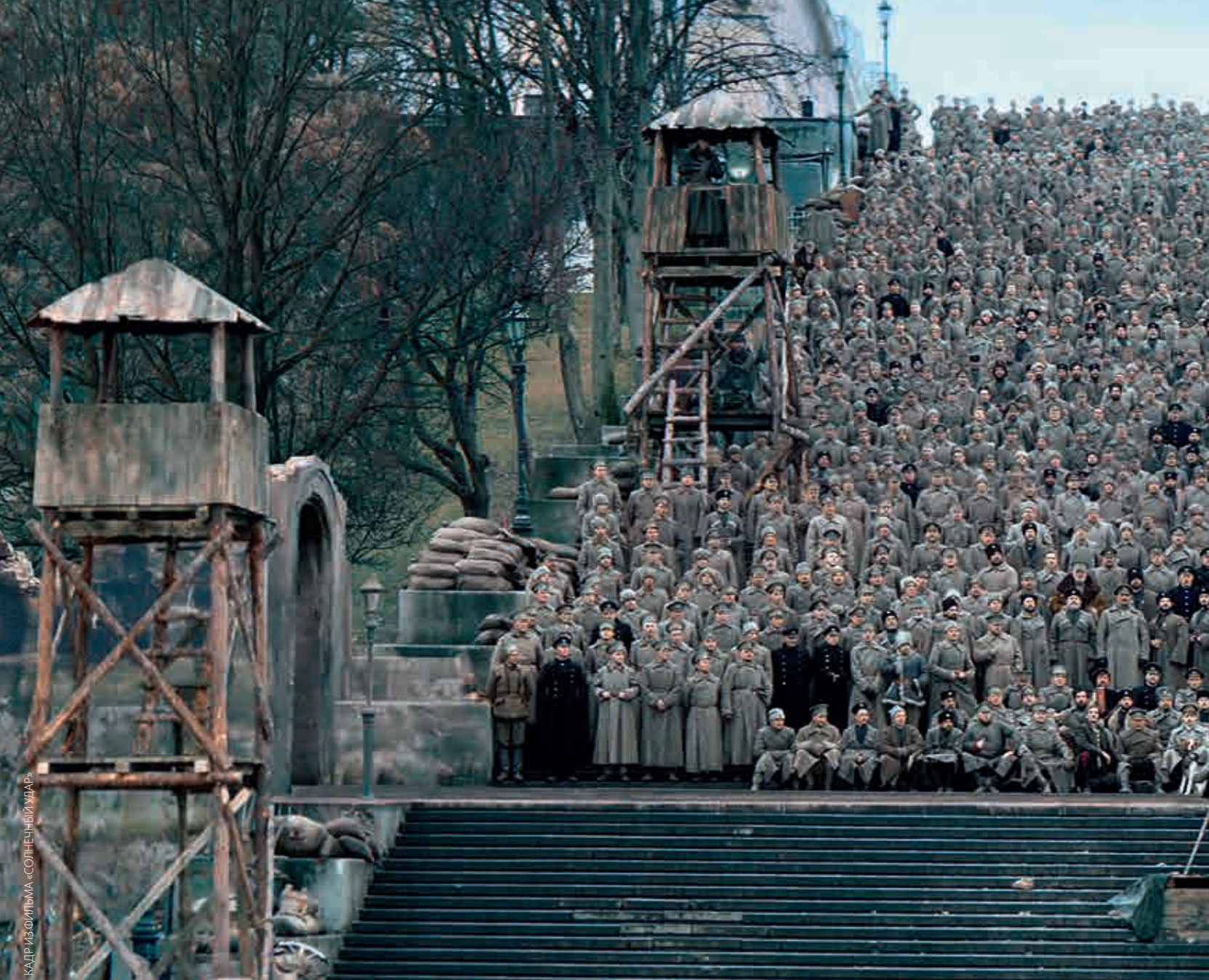

все еще оставался чересчур, до нестерпимой боли в душе, памятным.

«Париж?! Какой-то Булонский лес, где совершают предобеденные прогулки в экипажах, — у Мопасана было... — и высится гордым стальным торчком прозрачная башня Эйфеля?!.. гремит и сейчас: в огнях?! и люди весело и свободно ходят по улицам?!.. Париж... — а здесь отнимают соль, повертывают к стенкам, ловят кошек на запад-ни, гноят и расстреливают в подвалах, колючей проволокой окружили дома и создали «человечьи бойни»! На каком это свете деется? Париж... — а здесь звери в железе ходят, здесь люди пожирают детей своих, и животные постигают ужас!..

На каком это свете деется? На белом свете!!!

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

По воле людей, которые открыли тайну: сделать человечество счастливым. Для этого надо начинать — с человеческих боен.

И вот — убивали, ночью. Днем... спали. Они спали, а другие, в подвалах, ждали... Целые армии в подвалах ждали. Юных, зрелых и старых — с горячей кровью. Недавно бились они открыто. Родину защищали. Родину и Европу защищали на полях прусских и австрийских, в степях российских. Теперь, замученные, попали они в подвалы. Их засадили крепко, морили, чтобы отнять силы. Из подвалов их брали и убивали».

Понятно, что на страницах советских изданий подобные откровения были категорически недопустимы. Как и многое другое, рассказанное Шмелевым в изгнании. К примеру, сцены чудовищного голода, распространившегося в первые годы большевистской власти по всему, казалось бы, по самой природе своей далекому от этого жуткого явления, Крыму.

Еще большим укором большевикам служила биография писателя. Он хоть и считался купеческим сыном, однако к классу «эксплуататоров трудового народа» явно не принадлежал, зарабатывал на

хлеб насущный исключительно собственным трудом. Отнюдь не слыл и «махровым реакционером» — некоторые его ранние произведения просвещенная публика находила вполне «прогрессивными». Не был и активным противником «новой власти». (Это уже потом, за границей, он станет другом, особо доверенным лицом ее наиболее непримиримых врагов — А.И. Деникина, И.А. Ильина и других знаменитых изгнанников...)

Иван Шмелев принадлежал к тому редкому типу добрейших, безобидных, прекраснодушных

людей, которым даже отъявленные злодеи и негодяи стараются не причинять вреда.

Тем несправедливее, безжалостнее, бесчеловечнее выглядит его судьба. После Октября 1917-го он лишился не только привычных, обязательных атрибутов нормальной российской жизни, но и самой матушки-России. А вместе с ней — единственного, бесконечно любимого сына, расстрелянного большевиками в Крыму без суда и следствия. Иван Сергеевич не знал даже, за что казнили самого дорогого для него человека и где засыпали землей его тело. Тра-

гизм и бессмысленность ситуации усугублялись тем, что Сергей Шмелев, получивший на фронтах Первой мировой войны тяжелую инвалидность, не принимал да и не мог принимать участие в военном противостоянии с красными. К тому же большевики до того, как «пустили в расход» десятки тысяч офицеров, обьявили для них амнистию, пообещав в обмен на отказ от вооруженной борьбы свободу выбора — между исходом за пределы страны и вольным существованием внутри нее.

В действительности все обернулось вероломным, массовым

уничтожением сдавшегося на милость врага российского офицерства...

Тема жизни и творчества «возвращенного писателя» до сих пор представляется неисчерпаемой. Сегодня нет недостатка в тех, кто стремится ее максимально раскрыть, и это радует.

Главный же урок, который должно извлечь общество, звучит примерно так: мы не имеем права допустить повторения в России тех ужасов, которые описал в своих первых эмигрантских произведениях замечательный русский классик Иван Шмелев.

Великие реалисты

Издавека долго

Ксения Вортынцева

И. ЛЕВИТАН. «СВЕЖИЙ ВЕТЕР. ВОЛГА». 1895

Зеркальная гладь, буйная зелень берегов, бескрайние туманные дали... Волга, царица европейских рек, известна в мире с давних времен: упоминания о ней найдены еще в античных хрониках. В истории нашего государства она сыграла ни с чем не сравнимую роль: на побережье от истоков до устья строились большие города, караваны судов всегда везли по ней все, чем богатела земля Русская...

Особая значимость и ореол исторических событий (могучая река многое повидала, в том числе крестьянские бунты Разина и Пугачева) привлекали лучших русских живописцев. Хотя главной причиной оставалась и по сей день остается природная красота Волги — степенной, сильной, вольной.

Е Е САМЫМ известным изображением является хрестоматийное полотно Ильи Репина «Бурлаки на Волге» (1870–1873). Ради создания шедевра художник летом 1870-го отправился в долгое путешествие по реке. В целом ему удалось придать остросоциальной картине (а вид оборванных, тянущих лямку людей вызывает, прежде всего, жалость) эпический размах. Светлая, с солнечными отблесками, Волга не выглядит скромным элементом пейзажа, представляя скорее отдельным персонажем.

Вместе с Репиным в речной вояж поехал и двадцатилетний «вундеркинд» Федор Васильев. Однако социальная проблематика интересовала его куда меньше. В работах «Вид на Волге. Барки» (1870) и «Берег Волги после грозы» (1871) фигурки бурлаков и рыбаков мягко вписаны в лиричный, «очеловеченный» пейзаж.

Любопытно, что одновременно с Репиным — и независимо от него — замысел «бурлаков» пришел в голову другому художнику, Алексею Саврасову. В картине, написанной

А. САВРАСОВ. «ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ ПОД НИЖНИМ НОВГОРОДОМ». 1871

на два года раньше полотна Ильи Ефимовича и тоже названной «Бурлаки на Волге» (1871), намечена линия, более ярко воплощенная впоследствии у Репина. Трудяги не изображены безликой, забитой массой: у каждого — свой характер и своя история за плечами.

Саврасов создал немало картин, посвященных великой реке. Есть работы, передающие ощущение простора и мощи: «Разлив Волги под Ярославлем» (1871), «Печерский монастырь под Нижним Новгородом» (1871). Другие полотна имеют социальную окраску — например, «Рыбаки на Волге» (1872) и «На Волге» (1875)... Саврасов продолжал линию, намеченную десятилетиями ранее работами «сельского живописца» Венецианова. И хорошо, что у Алексея

Кондратьевича тоже нашелся способный ученик — Исаак Левитан.

В творчестве последнего Волга занимает особое место. Весной 1887-го по примеру Саврасова он совершил путешествие по реке. Первые впечатления оказались довольно прохладными, однако уже в 1888 году Левитан вместе со своей ученицей Софьей Кувшинниковой (их отношения иронично изобразил Чехов в «Попрыгунье») вновь отправился на Волгу. И открыл для себя купеческий городок Плѣс. Сюда он приезжал три года подряд. Снимал небольшой домик с красной крышей, изображенный на одной из его лучших картин — «Вечер. Золотой Плѣс» (1889). Мягкое свечение неба и реки, исчезающий в молочной дымке горизонт... Именно на Волге недаемый тревогами художник вдруг ощутил

умиротворение. Спокойствием дышат многие полотна того периода: «После дождя. Плѣс» (1889), «Вечер на Волге» (1887–1888). А «Свежий ветер. Волга» (1895) и вовсе передает радость, ощущение полноты бытия. Сочные краски — синие волны, белый корабль, красные и зеленые борта барж — превращают будни большой реки в праздник. Мастерски написанное бездонное небо с бегущими по нему облаками привносит в изображение динамику, порыв.

Обращался к волжским пейзажам и выдающийся маринист Иван Айвазовский. В работах «Волга» (1887) и «Волга у Жигулевских гор» (1887) великая река показана безбрежной, словно море. А также на редкость спокойной: лишь одинокие суда разрезают зеркальную гладь...

Колористическим буйством поражает полотно Архипа Куинджи, созданное в годы его затворничества: охристо-желтый мыс и яркосиние волны («Волга», 1890–1895). Столь же декоративными выглядят пейзажи театрального художника Константина Юона. Например, «Волжские пристани» (1911) — красочные скаты крыш и разноцветные лодки на фоне синей водной глади передают ощущение чудесного летнего дня. «Пристань «Самолет» на Волге» (1911), в работе над которой мастер активно использовал белила, ослепляет зрителя ярким солнечным светом. Под его волшебным действием обычная

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

средняя полоса России, изображенная на картине, внезапно становится похожей на курорт.

По-настоящему ярким карнавальным буйством выглядят произведения Бориса Кустодиева. Могучей реке художник отводит второстепенную роль, хотя золотистое небо в работе «На Волге» (1922) — явная отсылка к лирике Левитана. На первый план выдвигается праздничная ярмарочная атмосфера: здесь и разодетые барышни с кавалерами на «Гулянье» (1910), и румяные кокетки («Девушка на Волге», 1915). Фоном — а не полноценным персонажем —

предстает река и в работе Петрова-Водкина «Девушки на Волге» (1915).

Советские живописцы нередко стремились сделать в произведениях индустриальный акцент, как, например, Юрий Боско в картине «Над Волгой» (1959–1960-е годы). Пейзажи изображались подчеркнуто лаконично, что характерно, в частности, для творчества одного из основателей «сурового стиля» Георгия Нисского («Верхняя Волга», 1949, и «Рыбинское море», 1953–1954). Впрочем, и лиричные работы появлялись довольно регулярно. Можно вспомнить пейзажистов

ленинградской школы — Николая Галахова, Владимира Овчинникова, Сергея Осипова. Картины последнего насыщены отсылками к кубизму и иногда кажутся несколько упрощенными, декоративными («Пристань на Волге», 1959).

На полотнах Николая Галахова река нередко отодвинута в глубину и заслонена, например, разноцветьем трав («Июль на Волге», 1983). В иных случаях в ее водах отражаются крутые берега — и вместо синей глади зритель видит желто-зеленую рябь («Полдень на Волге», 1975)...

А вот в работах Владимира Овчинникова, написанных широко и свободно, Волге вновь отводится главная роль. Иногда она предстает спокойной: лиловой, с отраженной в ней огромной луной («Вечер на Волге, 1975»). Бывает и свинцово-серой, неприятной («Волга. Ветреный день», 1970). Или же таинственной, темно-зеленой, с мерцающими огоньками на горизонте («Лунная ночь на Волге», 1975)...

Трудно сказать, какой увидят Волгу новые поколения художников. Очевидно одно: изобразительная история великой русской реки пишется и по сей день. Причем точно так же, как и полтора века назад: маслом по холсту.

И. ЛЕВИТАН. «ПОСЛЕ ДОЖДЯ. ПЛЕС», 1889

Б. КУСТОДИЕВ. «ГУЛЯНИЕ НА ВОЛГЕ», 1909

Дагер и его типы

Сегодня трудно представить, с какими вызовами приходилось сталкиваться первопроходцам фотографии. Пары ртути, длинные выдержки, во время которых позировавшим нельзя было шевелиться, дороговизна материалов... И постоянные попытки улучшить бесконечно далекие от совершенства (опять же — на взгляд наших современников) технологии: надо было одновременно являться и химиком, и оптиком, и, конечно, творцом. Недаром многие пионеры русской светописы вышли из стен Императорской академии художеств. Но, кабы не любопытство и самоотверженность дореволюционных фотографов, мы никогда не смогли бы взглянуть в точно отображенные лица ушедшей эпохи — Тургенева, Чайковского, Тютчева, Толстого, представителей царской семьи и многих-многих других.

Ретроспектива

Ксения Воротынцева

В РОССИЙСКУЮ империю фотодело проникло почти сразу же после изобретения. Первые светописные изображения — фотограммы листьев — были сделаны академиком Юлием Фрицше в 1839 году. Вскоре начался настоящий бум: одно за другим стали открываться фотоателье. Появились и первые профессиональные светописцы.

Сергей Левицкий был одним из самых известных мастеров той эпохи. Успешный фотограф попеременно жил в Париже и Петербурге, снимал по заказу императорского двора. Благодаря ему нам доподлинно известны облики Менделеева, Гоголя, Апухтина...

Кроме того, Левицкий придумал забавный трюк: поместить в кадре два изображения одного и того же человека («Герцен против Герцена»). Сочетал естественное и электрическое освещение, дабы добиться новых эффектов. Говорил о необходимости и в то же время опасности применения ретуши: нужно, чтобы и заказчик остался доволен, и снимок все-таки выглядел живым.

Еще одной значимой фигурой тех лет был Вильям Каррик — шотландец, изучавший архитектуру в Академии художеств. Став фотографом, сотрудничал со многими

знаменитыми живописцами. По их просьбе переснимал картины — полученные карточки шли на продажу. После смерти Каррика они были выпущены отдельным изданием («Альбом русских художников»). Британец периодически выезжал в глубинку, откуда привозил снимки, интересные с этнографической точки зрения, отражавшие быт русских

крестьян, а также и других народов, населявших Россию.

В числе первых владельцев «дагерротипных заведений» (по имени пионера фотографии Л.Дагера) был и Андрей Деньер. Одна из главных его находок — смягчение конту-

ра изображения. Слишком резкие, документально правдивые снимки нередко отпугивали клиентов. Для решения проблемы Деньер предложил печатать карточки с двух негативов, сделанных на пластинах разной толщины.

Постепенно русская фотография, переживавшая период становления, стала превращаться в настоящее искусство. Особенно это заметно на примере творчества Андрея Карелина, выпускника Академии художеств, открывшего в Нижнем Новгороде фотомастерскую. Его работы, сделанные в ателье или с натуры — портреты зажиточных семей, простых крестьян, — полны лирики и внутреннего света. Вместе с Шишкиным подготовил альбом «Нижний Новгород»: живописец красками расцветил фотоотпечатки с видами города.

Из мастерской Карелина вышел еще один выдающийся фотограф —

С. Левицкий.
Великий князь
Николай
Романов.
1880

Максим Дмитриев. Его коньком стала документальная фотография. Он бесстрашно фиксировал жизнь городского дна: оборванных обитателей ночлежек и работных домов, коротающих время в кулачных боях и за игрой в карты. Освещал и другие «горячие» темы, в том числе последствия голода в Нижегородской губернии. Ездил по всей стране, снимал ярмарки, старообрядческие скиты, нехитрый провинциальный быт... Дмитриева можно считать одним из родоначальников острого публицистического жанра. При этом им руководил не интерес к «чернухе», а желание наиболее точно запечатлеть жизнь вокруг, сохранив ее для вечности.

Отсюда, например, амбициозный проект «Волга. От истока до Каспия» — фотопутешествие по реке и окрестностям, занявшее десять лет. А благодаря другому подвижнику, классичке русской архитектурной фотографии Ивану Барщевскому, сохранился — пусть лишь на снимках — дореволюционный облик многих русских городов и весей. Иван Федорович мечтал запечатлеть лучшие памятники древнерусского зодчества. И, надо заметить, успел немало: Москва, Ростов, Ярославль, Вологда, Муром... На свои средства издавал альбомы «Русская архитектура» (47 томов). Последние дни доживал под опекой реставратора Петра Барановского скромным хранителем музея-заповедника «Коломенское».

Одним из самых популярных авторов на рубеже XIX–XX веков был Карл Булла. Уроженец Пруссии считается основоположником репортажа в русской фотожурналистике. Его имя, встречающееся на великом множестве опубликованных снимков тех лет (Булла оставил после себя более 200 000 негативов), прочно ассоциируется с хрониками петербургской жизни. Прежде всего с протокольными и светскими мероприятиями: Булла был официальным фотографом Министерства Императорского двора. Торжественное

празднование 300-летия дома Романовых, портреты царской семьи и государственных служащих — Столыпина, фон Плеве, Милюкова... А также множество примечательных событий: автомобильные гонки, полет шара Императорского всероссийского аэроклуба, наблюдение петербуржцев за солнечным затмением, сборы средств для больных туберкулезом, солдаты в окопах во время Русско-японской войны... Да и просто приятные глазу кадры — будь то портрет изящной Анны Павловой в пушистой пачке или могучего борца Поддубного с щегольскими усиками. Мэтру было подвластно буквально все.

На закате Российской империи вспыхнула еще одна звезда. Наш уникум Прокудин-Горский, ученик Менделеева, совершил прорыв в цветной фотографии: благодаря его изобретениям дореволюционный мир сохранил для потомков «цвет и глубину».

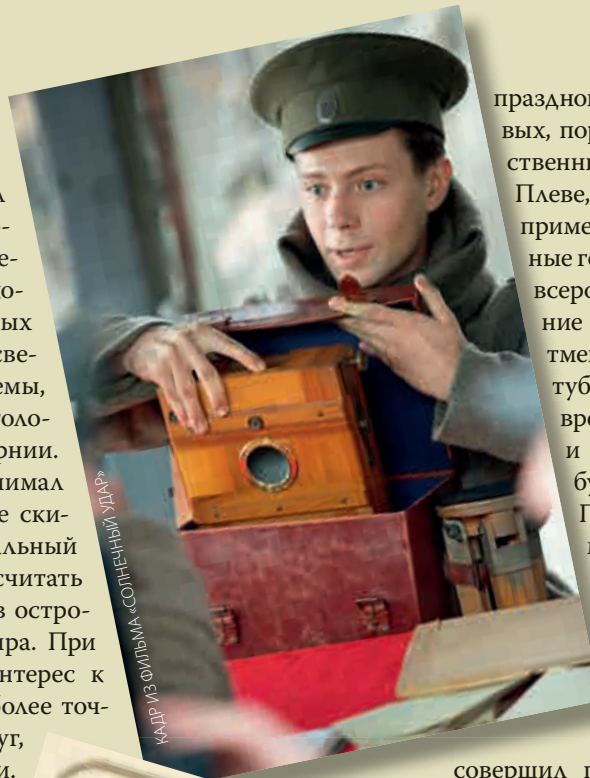
Сергей Михайлович слыл неутомимым энтузиастом.

Путешествовал по Кавказу, Транссибу, снимал тихую жизнь центральной России — излучины рек, покосившиеся избышки, украшенные изразцами старые церкви...

Как настоящий гражданин, старался запечатлеть самые дальние уголки державы. К примеру, пыльный Самарканд, скупые ландшафты Карелии.

Создал обширную галерею человеческих типов: здесь и девчужки-крестьянки в народных костюмах, и дагестанский лезгин, и армянки в праздничных нарядах... Журнал «Свой» подробно рассказывал о крымских снимках Прокудина-Горского в июньском номере.

Впоследствии русский гений оказался надолго забыт. Однако судьба его наследия, недавно вновь обретенного, показала: не исчезают бесследно не только рукописи, но и хрупкие стеклянные пластины. Ну а после революции в истории русской фотографии началась новая страница, отражавшая жизнь уже совсем другой страны.

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

Плаха Российской империи

Валерий Шамбаров

В лихолетье Гражданской войны Крыму суждено было сыграть совершенно особую роль. Символ морской и воинской славы превратился в российскую голгофу, эпицентр невероятных страданий и скорби. Хотя поначалу именно здесь обстановка казалась благополучной.

ПОСЛЕ Февральской революции Черноморский флот сохранил дисциплину, продолжал боевые действия. В Крым уезжали офицеры и простые граждане, которых допек революционный хаос в других регионах страны. А черноморцы отправляли делегатов по разным фронтам — агитировали солдат сплотиться для победы над внешним врагом.

Но разрушителей России подобное положение не устраивало. На русское побережье Черного моря хлынули агитаторы, увлекая матросов в буйство и митинговщину. Накануне Октябрьского переворота Свердлов послал в Крым собственных эмиссаров во главе с комиссар-

шей Соловьевой, поставил задачу: «Севастополь должен стать Кронштадтом юга». Советскую власть на флоте признали без всяких эксцессов. Однако революционерам этого показалось мало. Посланцы Свердлова разогревали злобу, сколачивали отряды из отпетого хулиганья. В декабре 1917-го эти банды возбудились, вознамерились истреблять «контру». По Севастополю хватали офицеров, тащили на Малахов курган, убивали, трупы топили. Доходило до того, что команды кораблей прятали своих офицеров. Всего были умерщвлены 3 адмирала, 1 генерал, около 800 офицеров и гражданских лиц.

А матросские отряды, войдя во вкус, ринулись «устанавливать советскую власть» по всему Крыму. В Ялте убили 80 человек, в Феодосии — 60. В Евпатории арестовали более 300. Их казнили на кораблях «Трувор» и «Румыния» под руководством комиссарши Антонины Немич. Жертвам отрезали носы и уши, отрубали руки и ноги и лишь после этого кидали их в море. В Симферополе истребили 160 человек, офицеров заталкивали в паровозные топки. Эта первая волна террора была беспорядочной. Уничтожали тех, кто под руку попадался. Уцелели многие высокопоставленные персоны, очутившиеся в Крыму — даже великий князь Николай Николаевич, вдовствующая императрица Мария Федоровна и другие лица императорского дома.

Выловить и искоренить всех негодных советская власть не успела. События закрутились, как в калейдоскопе. В апреле 1918 года в Крыму высадились немцы. Красные бежали. Несколько черноморских кораблей ушли в Новороссийск и по приказу Ленина были потоплены. Другие моряки подняли украинские флаги — чтобы не топить корабли. Возникло татар-

ское правительство Сулькевича и начало переговоры о переходе Крыма под власть Турции. Но в Первой мировой войне Германия надорвалась и всего через несколько месяцев капитулировала.

В ноябре 1918-го вместо немцев в Севастополь пожаловала англо-французская эскадра. В Симферополе собралось другое правительство, Соломона Крыма. Оно обратилось за помощью к главнокомандующему вооруженными силами юга России Антону Деникину. Тот прислал подразделения белогвардейцев, намечалось создать большую Крымско-

мелководному болоту Сиваша. Красные ворвались в Крым.

Французские интервенты повели себя нечестно и трусливо. Обещали выделить крупные силы, но обманули. Вместо этого ограбили местное казначейство и банки — забрали все ценности в виде компенсации «расходов по Севастополю». Иностранные гарнизоны боя погрузились на суда, и могучие линкоры с крейсерами отчалили. Некоторым беженцам удалось уехать вместе с союзниками. Большинство оказалось брошено на произвол судьбы.

Дыбенко повел себя как средневековый завоеватель. Пленных офицеров или людей, чьего либо не понравившихся новой власти, связывали проволокой по несколько человек и «букетами» топили в море.

Но разбитые белогвардейцы, около 4000 человек, сумели зацепиться на Акманайской позиции, на перешейке Керченского полуострова. Отбили все атаки, и восточный уголок Крыма большевики захватить не смогли. А через пару месяцев Деникин прорвал фронт на Дону и в Донбассе, и крымская группировка белых подключилась к ударам. В июне 1919-го здешние отряды поднялись в атаку, а в тылу у красных высадился десант 33-летнего генерала Якова Александровича Слащева. Большевики в панике обратились в бегство, спешили выбраться из Крыма.

На полуострове росло число беженцев. От ужасов, притеснений, голода сюда стекались люди со всей России. Новые волны хлынули осенью 1919 года, когда армии Деникина надломились и началось их отступление по всему фронту — от Орла, Киева, Воронежа. За счет беженцев население полуострова выросло вдвое, достигло миллиона. Правда, Деникин считал Крым ловушкой, где войскам угрожала

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Азовскую армию. Но декорации опять поменялись! По Украине уже наступали красные, заключили союз с Махно. В апреле 1919 года они выплеснулись в район Перекопа. Противостояла им реденькая цепочка так и не сформированных «полков» по 50–100 штыков. А батька Махно подсказал советскому командующему Дыбенко хитрый маневр — обойти оборону по

опасность быть запертыми. Однако он схитрил. Изобразил, будто намерен укрыться в Крыму. Советское командование клюнуло на приманку, нацелило на Перекоп две армии. На самом же деле Антон Иванович сложным фланговым маневром отводил свои главные силы на Дон. А в Крым в январе 1920-го отошел только корпус Слащева из 4000 штыков. «Генерал Яша», как его тогда называли, решил драться до конца. Отдал приказ: «Объявляю всем, что пока я командую войсками — из Крыма не уйду и ставлю защиту Крыма вопросом не только долга, но и чести».

23 января последовал штурм. Красные взяли Перекоп, донесли о победе, а на следующий день их выбили. То же самое повторялось 28 января, 5 и 24 февраля, 8 марта. Зима стояла суровая, с 20-градусными морозами. Когда красные — измученные, промерзшие, не имеющие возможности развернуться — преодолевали узкие перешейки, Слащев свежими силами бросался в контратаку и громил их.

А тем временем на других фронтах белогвардейцы проиграли. Остатки деникинских армий были прижаты к Новороссийску. Крым оказался единственным клочком земли, где еще можно было спастись. В марте 1920 года караваны судов двинулись от кавказских

берегов к крымским. Перевезли 30 000 бойцов, новые толпы беженцев. Поражения подорвали дух Деникина, он подал в отставку. Его преемник Петр Врангель предпринял еще одну попытку изменить ход войны. Переформировал армию, опять бросил в наступление. Лелеял надежду на то, что его все-таки поддержит народ.

Однако этого не случилось. А Крым и Дальний Восток остались последними очагами сопротивления. Против Врангеля стали стягиваться силы со всей страны. Его задавили массой. Советский командующий Южным фронтом Михаил Фрунзе для штурма Крыма обеспечил десятикратное пре-

Антон Деникин

ФОТО: РИА НОВОСТИ

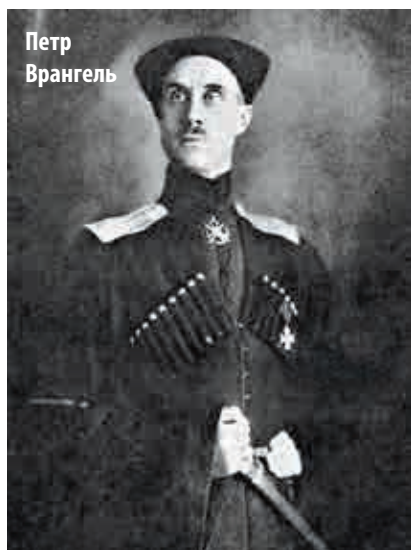

Михаил Фрунзе

ФОТО: ИТАР-ТАСС

для тех, кто захочет, — свободный выезд за рубеж под честное слово прекратить борьбу с красными. Но Ленин строго одернул Фрунзе: «Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Удивлен уступчивостью условий. Если враг примет их, надо приложить все силы к реальному захвату флота, т.е. невыходу из Крыма ни одного судна. Если же не примет, нельзя ни в коем случае повторять и расправиться беспощадно». Нет, советское руководство в большинстве своем о благородстве не помышляло. Оно готовило бойню...

Врангель на предложение Фрунзе не ответил. Когда надежды отразить врага рухнули, он отдал приказ об эвакуации. 13–16 ноября из крымских портов отчалили 126 русских судов и какое-то количество иностранных. Они были забиты до отказа. Люди переполняли палубы, трюмы. Неисправные баржи и пароходы тоже загрузили пассажирами, ввели на буксире. Взяли на борт 145 693 человека, не считая экипажей. Врангель откровенно объявлял: «Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет...» Последний осколок старой России уплывал в никуда. На чужбину, чтобы бедствовать, рассеяться в эмиграции...

Петр Врангель

восходство. На направлениях главных ударов на каждом километре фронта у него было сосредоточено 1500–2000 штыков и сабель, 10–12 орудий, 60–80 пулеметов. У белогвардейцев 125–130 штыков, 5–7 орудий, 15–20 пулеметов. При таком соотношении исход сражения был предрешен...

Надо сказать, Фрунзе проявил себя честным и благородным воином. Уже после того, как его войска прорвали оборону и покатались по полуострову, он послал Врангелю предложение о капитуляции на почетных условиях. Всем, кто сложит оружие, гарантировал жизнь, а

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

Далеко не все беженцы и белогвардейцы сумели сесть на пароходы. А многие сами решили не покидать родину. Гражданская война вроде бы закончилась. Зачем большевикам мстить? Советская пропаганда подтверждала эти чаяния, с аэропланов раскидывали листовки с обещаниями амнистии. Хотя они были заведомо ложными. 6 декабря 1920 года на собрании московского партактива Ленин цинично заявил: «В Крыму сейчас 300 тысяч буржуазии. Это — источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим». Для «переваривания» Фрунзе с его кодексом чести не годился, военачальника перекинули в другое место. А всю власть в Крыму получила «особая тройка»: председатель Крымского ВРК Бела Кун, секретарь обкома партии и его любовница Розалия Землячка и председатель ЧК Михельсон.

Перешейки сразу перекрыли кордонами. Выезд разрешался только за личной подписью Белы Куна. Он заверил: «Крым — это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выйдет». Первым делом был издан приказ об обязательной

ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ:

— Вопрос о вашей эвакуации решают сейчас в Симферополе уполномоченные из центра товарищи Бела Кун и Землячка...

ПОДПОРУЧИК:

— О! Бэлла! Прекрасная Бэлла! Выходит, дамы у вас все решают! Здорово!

ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ:

— Товарищ Бела Кун — мужчина, венгр...

ПОДПОРУЧИК:

— Да? А Землячка эта, тоже венгр?

ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ:

— Землячка — это Розалия Самуиловна Залкинд.

«перерегистрации» офицеров. Но все, кто явился, отправлялись на расстрел. Затем покатались облавы. Арестовывали членов семей белогвардейцев, учителей, юристов, священников. Взяли всех портовых рабочих, грузивших белые суда, медицинский персонал, лечивший белых воинов. Нередко хватали просто хорошо одетых. Для более капитальных «чисток» ввели обязательные анкеты. Всем лицам старше 16 лет предписывалось ответить на 40–50 вопросов и прийти со своей анкетой в ЧК для «собеседования». Если вместо

собеседования человек сбежит, забирали его родных. Тюрьмы были переполнены. А по ночам партии обреченных выводили за город, раздевали донага и косили из пулеметов. Раненых добывали штыками, камнями или закапывали живьем.

В Севастополе сотни человек были повешены. По Нахимовскому проспекту, Приморскому бульвару, Екатерининской и Большой Морской улицам виселицы были превращены все деревья, столбы, даже памятники. В Керчи устраивали «десанты на Кубань». Людей набивали в трюмы неисправных пароходов и барж, выводили их в море и топили. Ну а после того, как Бела Кун со товарищи пресытились кровью, они начали сортировать жертвы. Ни в чем не провинившихся «буржуев», женщин, детей прекратили убивать на месте, отправляли в лагеря, организованные под Рязанью. Туда гнали этапами, пешком. Несчастные выбивались из сил, а конвоирам не улыбалось топтать тысячу километров. Где-нибудь в степи они приканчивали весь этап и докладывали — вымерли от тифа.

По данным генерала Данилова, служившего у красных в штабе 4-й армии, с ноября 1920-го по апрель 1921-го в Крыму было казнено более 80 000 человек. Иван Шмелев в показаниях Лозаннскому суду называл цифру 120 000.

Жители Крыма погибали не только от рук палачей. Свиристествовали эпидемии. Вдобавок полуостров был беден продовольствием. Имевшиеся запасы сразу захватили большевистские продотряды. А подвоза извне не было, и выезд из Крыма запретили! Разразился страшный голод. Первыми стали вымирать бесприютные беженцы, а за ними и местное население. В городах доходили до людоедства.

Если вам доведется бывать в Крыму — помните: эта земля святая. Она полита кровью десятков тысяч русских мучеников.

Другие берега

Русский ковчег на родине Бонапарта

Юрий Коваленко, Париж

15 мая 1921 года в порт города Аяччо прибыл из Турции пароход «Рион». На борту находились около 3700 беженцев из России — в основном солдаты и офицеры армии Врангеля, а также инженеры, адвокаты, литераторы, врачи. Даже акробат и дрессировщик диких зверей. В числе пассажиров — 120 детей и 90 женщин. Им пришлось плыть на обветшавшем судне, которое в любой момент могло пойти ко дну. На долю несчастных беженцев выпали немалые страдания.

О том, как сложилась их дальнейшая судьба, о неизвестных русских страницах в истории Корсики журналу «Свой» рассказал Жан МАЙБОРОДА, один из учредителей ассоциации «Калинка — Макия», объединяющей потомков русских эмигрантов знаменитого острова. «Макия» (на корсиканском — «макИ») означает заросли кустарников и деревьев — один из символов Корсики и одновременно движения Сопротивления.

Ж.Л. Давид.
«Наполеон на перевале
Сен-Бернар».
1801

СВОЙ: *Какими ветрами «Рион» занесло в Аяччо — на родину Наполеона?*

Майборода: Судно, ходившее под французским флагом, держало курс на Бразилию. Но на юге Италии потерпело серьезную аварию. Тогда пароход решили отбуксировать в ближайший французский порт. Все беженцы хотели любой ценой покинуть Турцию, куда попали из Крыма. Их стали распределять между разными странами. Бразилии нужны были рабочие руки для сельского хозяйства. Чтобы выбраться из Турции, где они жили в жутких условиях, люди были готовы на все и утверждали, что знают фермерское дело. Но это было не так.

СВОЙ: *Как встретили корсиканцы русский «нoев ковчег»? Такой наплыв беженцев создавал проблемы для Аяччо?*

Майборода: Его население тогда составляло около 20 000 душ. Многие жители пришли на помощь — наши беженцам крышу над головой, кормили, обеспечили одеждой, собирали для них средства. Создавали комитеты содействия. Подключился местный Красный Крест. В целом корсиканцы проявили солидарность с несчастными людьми. Однако в то же время работы на всех не хватало, а корсиканские семьи неохотно принимали иностранцев. Интеграция была непростой.

СВОЙ: *Уже спустя месяц, 21 июня, часть русских отправили из Аяччо на другом судне в Бразилию.*

Майборода: В бразильский штат Сан-Паулу отбыли тогда около 600 человек. В этом штате есть российско-бразильская ассоциация, с которой я планировал установить связь, но пока не получилось. Мне хотелось бы

узнать о судьбе беженцев, попавших из Аяччо в Бразилию. Другие русские перебрались с Корсики на материковую Францию, где проще было трудоустроиться. Например, на автомобильных заводах или шоферами такси.

СВОЙ: *Сколько же русских пустили корни на Корсике? Местная пресса тогда отмечала, что они были хорошими работниками и зарабатывали хлеб в поте лица своего...*

Майборода: Через несколько лет их осталось 250–300 человек. Примерно 60–80 русских женились на корсиканках — часто на дочерях крестьян, у которых работали. Естественно, у них родились дети, и по этой причине на острове по-прежнему немало русских и украинских имен.

СВОЙ: *Как на Корсике оказался Ваш отец?*

Майборода: Мой папа Константин Майборода родом из Киева. Прибыл на Корсику не с «Рионом», а позднее — в 1929 году. Сначала попал в Чехословакию, где получил образование, потом перебрался сюда. Он создал свое предприятие, хорошо зарабатывал, но тратил еще больше. Словом, был настоящий славянин (*смеется*). Корсиканки в семье моей матери на это смотрели косо. Там привыкли жить экономно. Царил матриархат, всем заправляла теща. Диктовала свои законы. Вскоре отец уехал в Париж, и с тех пор я его практически не видел.

СВОЙ: *Говорят, красивые, молодые, сильные русские пользовались большим успехом у корсиканок?*

Майборода: К сожалению, корсиканские священники были ретроgrадами и требовали от русских, которые хотели жениться на корсиканках, отказаться от православной веры и перейти в католичество. По этой причине многие не захотели вступать в брак. Моему отцу, неверующему, в этом отношении оказалось проще.

СВОЙ: *Наверное, эмигрантам было нелегко адаптироваться к новой обстановке, а затем интегрироваться в незнакомую среду?*

Майборода: Их разбросало по всему острову. Около полусотни обосновались в Аяччо. Русская община не сложилась. Видимо, по этой причине беженцы так и не создали своей церкви, подобной тем, какие есть в Ницце и других французских городах. Наши люди быстро выучили и французский, и корсиканский. К сожалению, их дети уже почти не знали русского.

СВОЙ: *Во время Второй мировой бывшие белоэмигранты-корсиканцы стремились пролить кровь за Россию?*

Майборода: Многие из них после вторжения фашистов в Советский Союз почувствовали прилив патриотизма. Они любили Родину, готовы были ее защищать, участвовали в Сопrotивлении. Некоторые белоэмигранты стали убежденными коммунистами, вступили во Французскую компартию, несмотря на то, что

Екатерина
и Константин
Майборода

Жан
Майборода

их родители являлись жертвами большевиков. Даже критиковали меня за создание «царистской», как они считали, ассоциации.

СВОЙ: *Я слышал, что некоторые из русских превратились со временем в ярых корсиканских националистов.*

Майборода: Действительно, в 1960-е–1970-е какая-то часть потомков русских эмигрантов на острове стали большими националистами, чем сами корсиканцы. Одни выступали за независимость острова, другие — за предоставление ему автономии.

СВОЙ: *Как же сложилась Ваша жизнь?*

Майборода: Я родился в Аяччо в 1933 году. До десятилетнего возраста жил на Корсике. Потом с мамой уехал в Северную Африку, где провел 18 лет. Там отслужил в армии. После алжирской войны вернулся на малую родину, где с тех пор и живу. Работал учителем, оказывал помощь инвалидам... Моя жена — корсиканка. Нашу дочь я назвал русским именем — Катя. Она архитектор. Дети первых русских эмигрантов, как правило, чего-то достигли в жизни. В корсиканских семьях делают все для того, чтобы их отпрыски вышли в люди. Русские корсиканцы по-прежнему не забывают своих корней, интересуются прошлым, предками. Сам я пытаюсь разыскать родственников на Украине. Знаю, что в нашем роду были и архитектор, и оперный певец...

СВОЙ: *Есть ли что-то общее в русском и корсиканском характерах?*

Майборода: Они совершенно разные. В отличие от русских, корсиканцы — сдержанные, замкнутые, закрытые. Поскольку в моих жилах течет смешанная кровь, у меня очень противоречивая натура (смется). Но это не мешает мне быть одновременно украинцем, корсиканцем и французом.

СВОЙ: *Наверное, в живых не осталось никого из тех, кто*

прибыл на Корсику на борту «Риона»?

Майборода: Последний умер четыре-пять лет тому назад. Это бывший офицер Николай Иванов, ставший архитектором. Скончался он в возрасте 103 лет в маленькой деревушке Каржес, что в полусотне километров от Аяччо. Его внук Николая Иванофф, названный в честь деда, — воздушный ас, летчик-вольтижер, чемпион Франции и мира. Его зовут «летучим корсиканцем».

СВОЙ: *«Мы не станем изгнаны из Корсики этих несчастных, которые находятся там без средств к существованию», — заявил когда-то французский премьер-министр Раймон Пуанкаре. Сохранились ли на Корсике следы пребывания наших эмигрантов?*

Майборода: Они расписали шесть или семь церквей. В деревушке Аппьетто и в других местечках этим занимался художник Иван Шупик. Вообще на Корсику всегда приезжало много русских живописцев — Зинаида Серебрякова, Александр Яковлев, Альбер Бенуа, Николай Синезубов, Лев Чистовский, Лазарь Воловик...

СВОЙ: *В 1920-е в корсиканском городке Кальви какое-то время жил князь Феликс Юсупов. Он даже написал там серию портретов. «Корсиканцы нам полюбились с первого взгляда, — вспоминал князь. — Народ они смысленный, непосредственный, гостеприимный и на редкость честный. «Корсиканский бандит» в наше время — сказки. Повстречай я его — вверился б ему куда охотней, чем многим нью-йоркцам, лондонцам, парижанам. Доброе отношение корсиканцев к нам было трогательно».*

Майборода: Ему очень нравилась Корсика, но он прибыл, конечно, не на «Рионе». В княжеской свите оказался старый приятель Юсупова, черкес, гвардейский офицер Тао

Хан (Таухан) Керефов. Черкес купил бывший архиепископский дом, в котором открыл ресторан с баром. Сегодня в этом доме в Кальви, который можно считать корсиканским Сен-Тропе, разместился известный ночной клуб Chez Тао. Туда часто навещаются знаменитости со всего мира. Клубом владеют потомки Керефова. На сцене Chez Тао выступает сын Тао Хана — певец, поэт и композитор Тао Би.

СВОЙ: *Не только русские пришли себе прибежище на Корсике. Были и корсиканцы, которые когда-то переместились в Россию. В их числе — знаменитый Шарль Андре (он же Карл Осипович) Поццо ди Борго.*

Майборода: Он был главным врагом и соперником Наполеона. Потом служил царю, являлся послом России во Франции на протяжении двух десятилетий, участвовал в Венском конгрессе, где решались вопросы постнаполеоновского обустройства Европы. В конце жизни Поццо ди Борго вернулся во Францию и присягнул монархии. Какой фантастический персонаж! Мне бы очень хотелось, чтобы какой-нибудь русский режиссер снял о нем фильм-эпопею.

СВОЙ: *Не менее удивительна судьба князя Анатолия Демидова...*

Майборода: Тот женился на принцессе Матильде, дочери брата императора Жерома Бонапарта. Демидов создал Музей Наполеона в резиденции Сан-Мартино на острове Эльба.

На Корсике живут около полусотни потомков русских белоэмигрантов, сохранивших свои фамилии — Ивановы, Петровы, Мироненко, Поповы, Бородины, Сердюковы, Гуриновичи

СВОЙ: *Кто сегодня русские корсиканцы?*

Майборода: На Корсике живут около полусотни потомков русских белоэмигрантов, сохранивших свои фамилии — Ивановы, Петровы, Мироненко, Поповы, Бородины, Сердюковы, Гуриновичи... Кстати, президент нашей ассоциации Жозеф Тарасенко, которому

84 года, был чемпионом по боксу среди военных. Наши ряды пополняют россияне, перебирающиеся на остров, — новое постсоветское поколение. Пытаемся привлечь их в свое объединение. Однако они не всегда идут на контакт.

СВОЙ: *В чем состоит миссия ассоциации «Калинка — Макия»?*

Майборода: Хранить память о беженцах с «Риона», ведь о них со временем подзабыли. Объединить всех русскоязычных на Корсике, помогать им. 24 октября мы отметим 20-летие нашей ассоциации. Ждем в гости русских музыкантов.

СВОЙ: *Вы следите за тем, что происходит в России и на Украине?*

Майборода: Ассоциация политикой не занимается, придерживается нейтралитета. Но в личном блоге я выражаю собственную точку зрения на события, происходящие на Украине. Я на стороне жителей Донецка, тех, кто сражается с украинской армией. Считаю, что идет борьба НАТО и России, которую американцы пытаются взять в окружение. Поддержал я и присоединение Крыма. Полуостров всегда был частью Российского государства, и хорошо, что он вернулся.

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЧНЫЙ УДАР»

Легавый указатель

ТОМАС БЛИНС

Игорь Мамин

Летне-осенний охотничий сезон в самом разгаре. Подросли до нужных размеров вчерашние птенцы куропаток. Вовсю токуют глухари. Намного сподручнее, нежели месяц-другой назад, бить рябчиков, тетеревов, вальдшнепов...

Традиционная русская охота давно не привилегия партийно-государственного истеблишмента, как это было во времена СССР. И даже не эксклюзивная забава отечественных мультимиллионеров (как в известные лихие годы), а довольно распространенный у среднего класса вид активного отдыха. Растет интерес и к прежде мало известным — или хорошо забытым — породам охотничьих собак. «Свой» открывает новую рубрику, посвященную особенностям национальной охоты.

МНОГИЕ ли из «простых» советских людей, увидев на фото или — что было редкостью — воочию пойнтера (англ. pointer — указатель), могли тут же назвать породу? А ведь когда-то среди знаменитых русских писателей, слывших заядлыми охотниками, в компании с пойнтерами видели едва ли не каждого второго. Об этих незамысловатых помощниках в деле добывания пернатой дичи писали Иван Тургенев и Лев Толстой, Николай Некрасов и Михаил Пришвин...

Знаюки творчества и биографии Некрасова, несомненно, помнят душещипательную историю, связанную с его любимой собакой Кадо.

Однажды возлюбленная «народного поэта», которую он называл на свой манер Зинаидой Николаевной, во время охоты случайно выстрелила в Кадошку, смертельно ранив его.

Прибежавший на отчаянный крик женщины Николай Алексеевич обнял пса и горестно прижался лицом к его морде. Тот лизнул хозяина и вскоре умер. Некрасов пытался успокоить Зинаиду Николаевну следующими словами: «Что ты плачешь, о чем убиваешься, в чем прощения просишь? Эту собаку ты нечаянно убила, а каждый день где-нибудь на свете людей нарочно убивают. Нисколько на тебя не сержусь, но дай свободу тоске моей, я сегодня лучшего друга лишился».

Собаку зарыли в палисаднике, сверху положили гранитную плиту с надписью: «Здесь похоронен Кадо, черный пойнтер. Был превосходен на охоте. Незаменимый друг дома. Родился 15 июля 1868 г. Убит случайно на охоте 2 мая 1875 г.». Говорят, после этого ужасного случая Некрасов не охотился вовсе.

Разумеется, не только известные литераторы были до революции владельцами пойнтеров. Другие наши знаменитости в этом плане совершенно не отличались от писателей.

Давно выглядит штампом сопоставление представителей рода человеческого и собачьего племени. Чаще всего сравнивают для того, чтобы показать, что собаки добрее, преданнее, «человечнее» людей. Намного адекватнее относятся к жизни вообще и к среде обитания в частности. Соглашаясь с этим верным наблюдением, можно, наверное, в какой-то мере отождествить первых российских пойнтеров, в середине XIX века прибывших к нам с Британских островов, с ценными иностранными специалистами, которые довольно быстро адаптировались к российским условиям. Их потомки стали уже вполне «русскими», комфортно чувствующими себя в наших полях, лесах и на болотах.

Чем хорош пойнтер на взгляд современного собаководы и охотника? С этим вопросом «Свой» обратился к Константину Блохину, президенту Национального клуба породы «Пойнтер».

— Изначально меня подкупили красота и своеобразие этой легавой собаки с уникальной стойкой, их невероятная страстность, позволяющая в нужный момент возбуждаться, заряжаться на поиск птицы. Когда же дичь найдена, пойнтер резко останавливается, замедляет, делает свою неповторимую стойку. И вот этот переход от возбуждения к торможению у представителей названной породы прямо-таки выдающийся.

Эстетическая особенность стойки — это, как говорится, отдельная песня. Порой кажется, что собака вот-вот сломается пополам: голова уже смотрит на добытую птицу, а полусогнутое тело словно все еще перестраивается от стремительного бега к резкому торможению. Словами это описать сложно, пойнтера нужно видеть своими глазами, в полевых условиях. Причем его красота особенно хорошо проявляется на больших, просторных полях, где он ходит широко — вправо, влево... Считается эталоном легавой собаки в охоте на птицу. Первоначально порода выводилась для охоты на куропаток...

Владельцы пойнтеров в России, как, впрочем, и в остальном мире, делятся на два лагеря — тех, кто отдает предпочтение внешнему виду собаки, близости ее к некоему экстерьерному эталону, и тех, кому важнее качества, необходимые для охоты. Руководитель клуба пойнтеристов считает, что лучше всего — золотая середина.

— Есть собаки красивые и при этом отменно «работающие». Есть «уроды» с точки зрения экстерьера, но в то же время прекрасно выполняющие свои полевые функции. Есть внешне идеальные, однако почти непригодные для выполнения тех задач, которые первоначально имели в виду создатели породы. И, конечно, постоянно ищется баланс между красотой и рабочими качествами.

В наши дни охота на птиц потеряла свой практический смысл и воспринимается, скорее, как увлечение, хобби. Много ли мяса в подстреленной птичке? Опять же, занятие, прямо скажем, недешевое. Но это вовсе не значит, что, к примеру, у нашего пойнтер-клуба — туманные перспективы. Он продолжает развиваться за счет расширения и укрепления международных связей. Перед нами открываются новые возможности, в том числе — получение хороших щенков для членов нашего клуба от западных европейцев, прежде всего от итальянцев. В Италии рождается примерно 3000 щенков в год. В питомниках этой страны первостепенное внимание уделяется именно рабочим качествам собак, а незначительные экстерьерные недостатки там стараются не замечать.

В России ежегодно появляются на свет около четырехсот маленьких пойнтеров. Некоторые достижения, призовые места в международных состязаниях у наших пойнтеристов уже есть. Полагаю, что со временем успехов будет значительно больше.

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

Машины времени

Ксения Воротынцева

Среди предметов человеческого обихода часы всегда играли особую, порой глубоко символичную роль. И даже являлись пусть малой, зато очень заметной частью той или иной национальной культуры.

НА ПРОТЯЖЕНИИ нескольких веков обладание личными часами было весьма дорогим удовольствием. Сложный механизм требовал соответствующего труда. Корпус изготавливался из золота, серебра или черепаховой кожи, украшался рубинами и изумрудами. Подобная атрибутика отчетливо сигнализировала о статусе владельца. При этом двух одинаковых персональных часов зачастую просто не существовало: штучный, именной товар.

Первые компактные часы, сработанные в форме яйца, появились в XVI веке. Носили их в основном на шее. Тогда же начались эксперименты с дизайном. Был придуман, например, прозрачный футляр из шлифованного хрусталя. Привычную круглую форму часы получили лишь в XVII веке (в то же время циферблат начали закрывать стеклом). А столетием позже мастера уже вовсю фантазировали: делали футляры в виде крестов, цветов, животных, птиц и даже черепов...

Естественно, фиксация точного времени считалась привилегией. Роскошный аксессуар носили на цепочке: к одному концу прикреплялся брелок, служивший отдельным украшением, к другому — сами часы, лежавшие в специальном кармане жилета. Поначалу лидером часового производства была Франция, сумевшая обойти в борьбе за первенство в сфере «высоких технологий» главного конкурента — Англию. Однако уже в XVII веке инициативу перехватила Швейцария. Именно там к изготовлению часов подошли с наибольшей серьезностью: к работе привлекались мастера золотых дел, быстро росло количество мастерских. А в XIX веке началась массовая экспансия на перспективный российский рынок.

Одним из наиболее успешных оказалось детище Абрахама-Луи Бреге, клиентами которого были многие европейские монархи. Имя его марки в России стало нарицательным, в том числе благодаря перу Пушкина. «Пока недремлющий брегет не прозвонит ему обед», — так классик русской литературы описывал досуг юного Онегина. В 1808-м Breguet открыл представительство в России. После войны 1812 года пошатнувшееся было экономическое сотрудничество удалось успешно восстановить: в 1814-м к Бреге инкогнито обратился император Александр I — он не только купил часы, но и заказал серию метрономов для отработки строевого шага. Дела компании в нашей стране вновь пошли в гору.

В середине XIX века российский рынок с Breguet делили Tissot и Patek Philippe. У Tissot были амбициозные планы: компания официально являлась поставщиком Императорского двора, выпускала офицерские хронометры («Царские часы») для Русской Императорской гвардии.

Экономический взлет легендарного российского торгового дома «Павель Буре» пришелся на тот период, когда часы начали становиться массовым товаром. Элегантные привычки аристократов первыми переняли буржуа: деловые люди ценили (и до сих пор ценят) свое время, как никто другой. Впоследствии буржуа сами превратились в объект для подражания, когда за часами стали охотиться люди попроще.

Компания «Павель Буре», верно оценив настроения, начала выпускать относительно недорогие модели. Стоили они два рубля, в то время как цены на престижные часы той же марки могли доходить до 700–750 рублей. Чтобы удешевить производство Буре выкупил швейцарскую фабрику, а сборку перенесли в Россию. Причем и о богатой клиентуре владельцы фирмы не забывали, оставаясь поставщиками Императорского двора. Во время революции и Гражданской войны такая продукция оказалась не востребована, а у компании обнаружили немалые долги.

Неумолимо наступала новая эра — эпоха наручных часов. Придуманые в конце XIX века, они поначалу не воспринимались всерьез: в лучшем случае их рассматривали как женские. Некоторые перемены в этом плане произошли после англо-бурской войны: пользоваться карманными часами на фронте было неудобно, а вот наручные помогали синхронизировать наступление войск. Во время Первой мировой бойцов уже планомерно экипировали наручными часами. Карманные же постепенно начали переходить в разряд дорогих безделушек...

Впрочем, все возвращается на круги своя. В начале XXI века часы, в том числе и наручные, почти избавились от своей главной многовековой функции и вновь превратились в аристократическую игрушку. Теперь их основное предназначение — быть шикарными. А для точного времени есть мобильный телефон.

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЧНЫЙ УДАР»

ФОКУСНИК:

— Сейчас, дамы и господа, вы увидите номер, который называется «деструкция и реконструкция»... Сначала я полностью уничтожу вещь, затем с помощью одного древнейшего вавилонско-зороастрийского заклинания, восстановлю ее в первоначальном виде...

Прошу убедиться, что часы исправны!

Страна мастеров

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

Бегущие по волнам

Виктор Сокирко

Преданья старины глубокой — колесные пароходы — до сих пор вызывают восхищение. И ностальгию, пусть и исходящую лишь от древних снимков, хроник кинолент и художественных фильмов. Чего стоит одна лишь «Ласточка» в «Жестоком романсе»... Прежде волгари о своих пароходах говорили не «идет», а исключительно — «бежит». Время оказалось безжалостно к этим колесным ветеранам рек и морей. Последние из них списаны более двадцати лет назад. Остались только фотографии — ведь правда?

На самом деле все не так безнадежно.

СОЗДАТЕЛЕМ первого парохода считается Роберт Фултон. В 1807 году он построил корабль с гребным колесом «Клермонт», который совершал рейсы по реке Гудзон от Нью-Йорка до Олбани, развивая по тем временам немислимую скорость — 5 узлов (9 км/ч). В 1819 году американское судно «Саванна» с гребными колесами впервые пересекло Атлантический океан, однако основную часть пути корабль прошел под парусами — они еще долго сохранялись на пароходах в качестве вспомогательного движителя. Скорость росла — рос и азарт состязательности. В начале XIX века гонки пароходов были популярны на родине нового вида водного транспортного средства — в США.

Превосходные описания таких гонок дал в своей знаменитой книге «Жизнь на Миссисипи» Марк Твен: «Обычно пароходы выходили из Нового Орлеана между четырьмя и пятью часами пополудни. Уже с трех часов в топках жгли смолу и сосновые поленья (признак подготовки к отплытию), и можно было на протяжении двух-трех миль любоваться живописным

видом высоких, восходящих к небу столбов угольно-черного дыма; эта колоннада поддерживала черную бархатную пелену, словно крышу, нависшую над городом. У каждого парохода, идущего в дальний рейс, на флагштоке развевался его флаг, а иногда и второй — на кормовой мачте... Затем несколько пароходов задним ходом выскальзывали в реку, оставляя широкие бреши в сомкнутом строю. Горожане заполняют палубы остающихся судов, чтобы посмотреть на отплытие. Один за другим пароходы выравниваются, собираются с силами и, разворачиваясь, выходят на всех парах, подняв флаг, пуская черные клубы дыма, и со всей командой, кочегарами и матросами (обычно здоровенными неграми) на баке; самый голосистый из них возвышается посередине, выбравшись на кнехты, размахивая шляпой или флагом, — и все режут мощным хором, в то время как на прощание палат пушки, а бесчисленные зрители в свою очередь машут шляпами и кричат «ура!». Один за другим выходят вереницей пароходы, и стройная процессия скользит вверх по реке...»

Россия, хотя и не стала прародительницей пароходов, быстро подхватила идею установки парового двигателя на корабли и баржи. И буквально через несколько десятков лет обладала обширным флотом на паровых машинах. Изначально пароходы закупались за границей и достаточно сложным сухопутным путем, а порой и водным — из Санкт-Петербурга на Волгу (и это при отсутствии Волго-Балтийского канала) — доставлялись на внутренние реки.

А вот первый отечественный пароход — «Елизавета» — был построен на верфях Санкт-Петербурга в ноябре 1815 года. И тут же совершил рейс из столицы до Кронштадта. Весь путь, как утверждают хронологи, был пройден за 3 часа 15 минут со средней скоростью около 9,3 км/ч. Это вызвало немалое

удивление, так как военный «пассажибот» на веслах проходил то же расстояние за сутки. В Кронштадте прибытия первого парохода ожидала любопытствующая толпа. По прибытии на борт поднялся главный командир Кронштадтского порта адмирал Федор Моллер со своей свитой.

Были устроены гонки на скорость между пароходом и командирским гребным катером, который считался непревзойденным по скорости. Гребцы, поднапрягшись, догоняли пароход, но человеческие силы явно уступали машинным. В

ФОТО: ИТАР-ТАСС

итоге победителем состязаний вышла «Елизавета». Что, несомненно, увеличило ряды сторонников развития пароходного движения. А построил первенца владелец механико-литейного завода в Петербурге Карл Берд. Принцип состоял в том, что в деревянную лодку-тихвинку были установлены изготовленная на заводе балансирующая паровая машина Уатта мощностью 4 л.с. и паровой котел, приводившие в действие бортовые колеса. В 1816 году появился первый пароход в Волжском бассейне на реке Каме, построенный на Пожвинском чугунолитейном и железоделательном заводе В.А. Всеволожского, а в 1821-м пароход «Пожва» прошел путь из Пожвы в Ярославль. Эстафету подхватили и на остальных водных магистралях России — пароходы уже через десяток-другой лет дымили не только на Волге, но и на Оби, Енисее, Урале, Лене, Дону, Амуре... Динамичное развитие пароходства в России осложнялось двумя обстоятельствами. Во-первых, пароходы еще не могли соревноваться с усовершенствованными судами на

конной тяге. Во-вторых, нормальной работе первых мешало отношение к ним приречного населения и особенно бурлаков. Те обзывали дымные машины нечистой силой, сплевывали им вслед, причитали: «Господи, спаси и сохрани...» В коммерческих кругах интерес возростал, но даже и там имелись люди, высказывавшиеся против пароходов, считая их «барской затеей» и вообще вредным новшеством. Впрочем, стремительное развитие новой отрасли уже было не остановить — к 1850 году по русским рекам и морям плавало сто сорок пароходов. В 1846-м Воткинский завод открыл судостроительную верфь, где ежегодно стало выпускаться 8–10, а в начале XX века — 16–17 судов. Именно на Воткинском заводе был построен первый железный пароход «Астрабад». Он был спущен на воду весной 1848-го в Астраханском порту, где успешно прошел испытания. Всего в России было выпущено несколько тысяч пароходов, и их строительство продолжалось до 1959 года.

А вот самым, пожалуй, известным в нашей стране считается пароход

«Ласточка» из кинофильма «Жестокый романс». Ее «сыграл» колесный пароход «Спартак». Раньше он назывался «Добрыня Никитич», а еще раньше — «Великая княжна Татьяна Николаевна». Но публика запомнила его именно как «Ласточку». Судну досталась славная история, с незаслуженным и грустным финалом. Оно было построено в 1914 году по специальному заказу последнего российского самодержца на Сортовой верфи под Нижним Новгородом. Таких судов было всего два, и оба получили имена дочерей царя — Татьяны и Ольги, поскольку по праву считались лучшими из грузопассажирских пароходов, что были спущены на волжские воды. Они начали жизнь под звон церковных колоколов, пение «Многая лета». А через три года новая власть упразднила великокняжеские названия, присвоила другие: «Добрыня Никитич» — для «Татьяны» и «Алеша Попович» — для «Ольги». Спустя год и это показалось крамольной. «Добрыня» стал «Спартак», а «Алеша» — «Володарским». «Спартак» долгие годы курсировал по маршруту Астрахань — Горький.

Пережил тяжелые времена Гражданской и Великой Отечественной. Его двигатель, как ни парадоксально, ни разу не подвергался капремонту. Лишь реставрировалась внутренняя обстановка, подкрашивался и обновлялся корпус. В 50-х, после окончания строительства канала Волга — Дон, корабль перевели на более длинные рейсы — из Москвы в Ростов-на-Дону, не забывая, однако, и про его родной маршрут, по которому он ходил с самого рождения.

«Спартак» было под семьдесят, когда он стал кинозвездой — «Ласточкой». И режиссер фильма «Жестокый романс» Эльдар Рязанов, и исполнивший одну из главных ролей Никита Михалков, и актриса Лариса Гузеева до сих пор с грустью и теплотой вспоминают этот пароход. «Потрясающее было судно. Со своей мощной энергетикой, которая исходила не только от паровых котлов, но и от любой детали обшивки», — говорят творческие люди.

В середине навигации 1991 года корабль неожиданно был снят с эксплуатации. Судно отвели сначала в ростовский порт. Предполагалось, что отправят в Англию на капремонт. С этой же якобы целью из всех помещений корабля вывезли все, что представляло ценность. «Ласточка» простояла в Ростове около пяти лет. Потом ее отбуксировали в один из донских затонов, где она внезапно сгорела. Остался лишь металлолом...

Была в истории российского флота и еще одна, подлинная «Ласточка», — колесное товаро-пассажирское судно, построенное по заказу Новороссийской паровой экспедиции на английской судовой верфи в Блэкуэлле. Впрочем, в феврале 1846 года переданный заказчику пароход получил название «Дарго». Он ходил на линии Одесса — Керчь, заходил в Ялту и Феодосию, одно время трудился на линии Одесса — Николаев. Во время Крымской войны его вооружили четырьмя карронадами и пушками и включили в отряд для защиты Днепровско-Бугского лимана.

Кажется, что время пароходов безвозвратно ушло. Сегодня в России остался один действующий «колесник» — «Н.В. Гоголь», который базируется в Северодвинске и по-прежнему ходит с круизами по Северной Двине. Особенности его «прописки» накладывают определенные ограничения на формы использования: скажем, снимать «Гоголя» в кино трудно, а порой и невозможно — климат на севере для киносъемок, как правило, не подходит.

Самым старым в мире паромом, все еще находящимся в эксплуатации, является норвежское колесное судно «Скибладнер», построенное в 1856 году. Оно курсирует по озеру Мьёса. В дрезденском пароходстве (Германия) остались на ходу девять посудин постройки 1879–1929 годов. По Рейну курсирует «Гёте» — самый большой речной пароход в мире, который спустили на воду в 1913 году. Эксплуатируют пароходы и на Миссисипи. Как говорится — глубоко тюнингованные.

Кажется, что романтика минувших веков, которые прочерчены дымными (однако не угрожающими экологии) трубами пароходов, безвозвратно ушла в прошлое. Ан нет: нижегородское конструкторское бюро «Возрождение колесных судов» взялось за старые чертежи и, существенно их осовременив, разрабатывает речных «бегунов». Два года назад на Волге прошли последние испытания первого в России современного колесного теплохода. Сейчас его маршруты проложены из Нижнего Новгорода по Горьковскому морю до Макарьевского монастыря и Мурома.

В проекте и процессе строительства на верфях сейчас находится пассажирское судно «Сура», которое тоже будет совершать круизы по великой русской реке. А еще в Нижнем нашли новое применение для колесных пароходов — в том числе и в качестве ледокольных судов. При низкой

посадке и заднем гребном колесе они окажутся незаменимы в зимнем судоходстве. Подготовлен и проект «колесника» по заказу Русской православной церкви — представительское судно «Сергий Радонежский» с церковным помещением, купелью, трапезной. Колокольный звон тоже предполагается.

Так что мы еще услышим звонкое шлепанье гребных колес и на Волге, и на Москве-реке.

КАДР ИЗ ФИЛЬМА «СОЛНЕЧНЫЙ УДАЧ»

ФОТО: PHOTOPRESS

Стерляжья уха? Отнюдь не плоха!

Максим Сырников

Стерлядь и у нас, и за границей воспринимается многими как одна из наиболее «русских» рыб. И уж точно, хорошо приготовленное блюдо из стерляди — самое роскошное украшение нашего парадного стола.

В ОВСЕ не обязательно подавать ее вычурно и помпезно, непременно в шампанском, под соусом из собственной икры да с раковыми шейками. Достаточно фарфоровой супницы с простой стерляжьей ухой. Той самой — с неповторимым ароматом и характерным янтарным отливом.

Хотя, нелишне отметить, в 70-х годах XIX века великий популяризатор охоты, рыбалки и русского образа жизни Леонид Павлович Сабанеев писал, что уха из одних стерлядей годится лишь для раз-

влечения молодых купчиков на Нижегородской ярмарке. Подлинный знаток для начала сварит крепкий бульон из окушков, ершей да пескарей — в марлевом мешочке, чтобы потом вынуть мелочь без остатка. А уж потом бережно положит в кастрюльку куски стерлядки.

Стерлядь в России, хоть и одна по изначальному названию, да вся разная: окская, волжская, двинская, шекснинская, обская... Почти в каждой губернии — своя. Герой рассказа Аркадия Аверченко вспоминает, как две совершен-

но похожие стерляди, купленные в одной лавке, приготовились не одинаково. Одна уха вышла густой и переливалась янтарем, а другая так и осталась жиденькой. Потому что «разной воды» стерлядки: первая — окская, а вторая — волжская.

Но какую бы стерлядь мы ни готовили, лучше всего не убивать ее особый вкус длительным отвариванием, а уж тем более — запеканием. Надо слегка припустить ее в соответствии с нашими кулинарными традициями.

Подготовьте стерлядку: выпотрошите, вытащите из хребта визигу. А если рыба крупная, непременно срежьте так называемые «жучки», боковые и брюшные пластинки. Натрите солью и положите на противень вместе с парой луковиц, морковь и корнем петрушки. Налейте в противень рыбный бульон — чтобы рыбе до половины доходило. Хорошо еще в бульон добавить бочкового огуречного рассола и несколько горошин черного перца. Поставьте в разогретую до 150–160 градусов духовку. Время — в зависимости от размера стерляди. Для килограммовой достаточно получаса. И обязательно несколько раз за время приготовления поливайте рыбу бульоном. А подавать все же лучше холодной. Остывшая стерлядка и не разваливается, и на вкус приятнее.

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Своя

ОКТЯБРЬ 2014

КУЛЬТУРА
Душевно прелесть русской жизни